

КРУГЛЫЙ СТОЛ

«РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»

Участники круглого стола обсудили такие темы, как социальные функции современной философии и роль философов в современном обществе, значение социальной философии, проблему предъявления философии в современной культуре, взаимоотношение философии и идеологии.

В обсуждении участвовали: Г.А. Антипов, В.А. Бойко, О.А. Донских, С.П. Исаков, Ю.П. Ивонин, В.И. Кузин, В.А. Крюков, К.М. Курленя, Н.И. Макарова, П.Д. Муратов, Н.С. Розов, Т.А. Ромм, В.И. Супрун, В.М. Фигуровская, Н.Л. Чубыкина, А.Л. Штуден.

А также

В.А. Лекторский, С.С. Аванесов, В.С. Диев, В.П. Фофанов, В.В. Чешев.

Ключевые слова: философия, социальная философия, способы предъявления философии, функции философии, роль философов.

24 мая 2010 г. в Областной научной библиотеке (Новосибирск) прошел круглый стол на тему «Роль философии в современном мире». Предполагалось обсудить следующие вопросы.

1. Какие социальные функции выполняют современные философы?
2. Какие направления философии актуальны в XXI веке?
3. Способы предъявления философии, характерные для XXI века.
4. Соотношение философии и идеологии.
5. Феномен псевдофилософии.

В обсуждении принимали участие члены редакционной коллегии и редакционного совета: Георгий Александрович Антипов, д-р философских наук, профессор; Олег Альбертович Донских, д-р философских наук, профессор, главный редактор журнала; Виктор Васильевич Крюков, д-р философских наук, профессор; Сергей Петрович Исаков; Юрий Перфильевич Ивонин, д-р философских наук; Константин Михайлович Курленя, д-р искусствоведения, профессор; Нина Ильнична Макарова, кандидат искусствоведения, Павел Дмитриевич Муратов, кандидат искусствоведения, доцент; Татьяна Александровна Ромм, д-р педагогических наук, профессор; Николай Сергеевич Розов, д-р философских наук, профессор; Владимир Иванович Супрун, д-р философских наук, профессор; Валентина Михайловна Фигуровская, д-р философских наук, профессор; Наталья Леонидовна Чубыкина; Лев Леонидович Штуден, д-р культурологии.

Приглашенные гости: **Владимир Анатольевич Бойко**, кандидат культурологии, доцент кафедры теории и истории культуры НГТУ (Новосибирск), **Василий Иванович Кузин**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии НГТИ (Новосибирск).

По традиции заочного участия в обсуждении вопросов круглых столов свое видение изложили **Владислав Александрович Лекторский**, академик РАН (Москва); **Сергей Сергеевич Аванесов**, д-р философских наук, профессор (Томск); **Владимир Серафимович Диев**, д-р философских наук, профессор (Новосибирск); **Владислав Васильевич Чешев**, д-р философских наук, профессор (Томск); **Владимир Павлович Фофанов**, д-р философских наук, профессор (Новосибирск); .

Олег Альбертович Донских. Виктор Васильевич подал хорошую идею сделать номер журнала, посвященный философии, которую я подхватил. Сегодня поэтому проводим круглый стол по философии. В связи с круглым столом мы разослали информационные письма, откликнулись московские философы. Прислал статью Вадим Михайлович Межуев, хорошо известный всем присутствующим. И отозвались еще Александр Павлович Огурцов и Светлана Сергеевна Неретина. Несколько человек у нас поучаствуют заочно. Я надеюсь, что все видели вопросы, разослано было, как обычно, всем членам редакционной коллегии и части редакционного совета. Очень важный и интересный вопрос предложил Юрий Перфильевич Ивонин: это вопрос о способах предъявления философии в 21 веке. Дело в том, что это действительно очень важная вещь, особенно учитывая современные средства коммуникации. Я задумался о том, возможна ли философия на блоге? По крайней мере, в тех стилях, которые у нас представлены, я думаю, что на блоге это абсолютно исключено. Но, может быть, возможны другие. Итак, есть тот круг вопросов, который был задан, но он конечно очень широкий, я прекрасно понимаю, что каждая из обозначенных тем может быть отдельной темой обсуждения. Но для такого первого круглого стола по философии (который мы проводим в рамках нашего журнала) это в любом случае нормально. Поэтому я бы предложил на-

чать с первого вопроса: роль философа в современном мире.

– Роль философии?

– Нет, философа. Вопрос и был: социальная роль *философа*, хотя, возможно, были варианты. Я бы хотел начать с того, кто *хотел бы* высказаться на эту тему, поэтому – пожалуйста.

Владимир Анатольевич Бойко. Предлагаю обсудить следующую идею. Функции философии в современном обществе во многом аналогичны тем функциям, которые в традиционном обществе выполнял миф. Когда я сопоставляю философию и миф, то в данном контексте для меня первостепенное значение имеет такой аспект философии и мифа, как их воздействие на субъекта культуры, принуждающего его обратить внимание на основания, назовем это так, социального бытия. Более того, миф и философия – это не просто обращение к основаниям бытия, это вовлеченность в бытие. Очевидно, что миф и философия не могут быть всецело отождествлены. Различия между ними связаны с теми различиями, которые существуют между традиционным обществом и обществом современным. Важны их связь, преемственность философии и мифа. Философия, как и миф, задает контекст человеческого существования в мире. Философия появляется в ходе распада мифологического мировоззрения, философия – одно из последствий вырождения мифа, но именно миф есть перспектива становления философии.

О.А. Донских. Вы можете привести хотя бы один пример мифа, созданного философией?

В.А. Бойко. Дело в том, что в данном контексте будут неадекватны прямые ходы. Известно, что мифы не создаются, они извечны. Поэтому должен отклонить Ваш вопрос как не соответствующий предлагаемой мной трактовке соотношения мифа и философии.

О.А. Донских. Хорошо, а как его корректно поставить? Философия – это мифология? Какую мифологию задает, например, Гадамер?

В.А. Бойко. Миф и мифология не тождественны. Когда я говорю о мифе, я вкладываю в это слово иной смысл, нежели тот, который вытекает из представления о мифе, как о составной части мифологической системы. Я говорю о мифе «самом по себе». Я говорю о языке, замыкающем мир на себя, и мире, замыкающем на себя язык. Миф самодостаточно и бесконечен. Практика интерпретации мифа представляется мне порочной. Усматривать за конкретным мифическим образом определенный смысл, наделять значением «мифическое повествование» – это означает подмену мифа, как выражаются постмодернисты, «функционирующей машинерией симулякра», которая с неизбежностью приводит к подавлению и вытеснению смысла формой. Миф как таковой не является текстом, так как в мифе мы не имеем различия между означаемым и означающим.

Этот взгляд на миф имеет непосредственное отношение к пониманию перспективы развития философии. Философии не как совокупности философских текстов, а философии «самой по себе». Миф и философия, миф – как прошлое,

философия – как будущее, привлекательны тем, что, обращаясь к ним, вовлекаешься в реальность, где отсутствуют разрывы. А тот «мир», который репрезентирует наше настоящее, мир, где обретается «современный человек», мир, в котором господствуют идеологии, – это мир симулякров, мир разрывов и пустот. Миф, не допускающий в себя эти разрывы, гарантирует подлинность человеческого существования. С моей точки зрения, и от философии можно ожидать подобного эффекта.

Что касается творчества Гадамера, то я был бы готов рассмотреть идеи, изложенные в трактате «Истина и метод», в перспективе мифа Традиции.

Василий Иванович Кузин. Я хотел спросить коллег, подразумеваем ли мы что-нибудь конкретное под словосочетанием «современное общество» или мы будем обсуждать проблему соотношения философии вообще или мы как-то обсуждение ограничиваем локально, хотя бы по времени?

О.А. Донских. По времени в каком смысле?

– Ну, подразумеваем ли мы, что это общество сегодняшнее или, скажем, общество модернистское. Либо общество нетрадиционное, потому, что первая постановка была: в традиционном обществе – мифология, значит всё остальное общество нетрадиционное, современное, примерно начавшееся 2,5 тысячи лет назад. Или мы рассуждаем все-таки в терминах сегодняшнего дня. Я уточнить хотел вопрос: вообще или сейчас?

О.А. Донских. Мы говорим про 21 век.

Георгий Александрович Антипов. Владимир Анатольевич, Вас просили привести пример мифа, созданного философией.

В.А. Бойко. Я ответил, что мифы не создаются.

Г.А. Антипов. Платон создал миф. Это миф о Матери-земле. Для того, чтобы обосновать, кстати говоря, неравенство в его идеальном государстве. Значит, по крайней мере, один пример мифологической формы, *созданной искусственно.*

В.А. Бойко. То, что создавал Платон – это в моей терминологии создание мифологии, и эта мифология, которую создает Платон, она заточена под конкретные цели. Это не миф как таковой, это иллюстрация определенного положения и не более того. Поэтому платоновские мифы не являются подлинными мифами. Это симуляция мифа, если хотите.

О.А. Донских. Владимир Анатольевич, Вы поставили проблему того, как философия обосновывает некоторые основания нашей жизни. Что-то делает мифология, а в данном случае это делает философия. Дело в том, что я, пытаюсь размышлять об этом, не знаю, какие основания нашей жизни философия обосновывает. Вопрос-то у меня больше был об этом. Не просто абстрактный пример из истории философии, потому что там можно что-то придумать: допустим, Ницше или Фрейд – они какие-то вещи рентерировали и т.д. Сейчас, я думаю, не об этом идет речь. Какую-то роль играет философия и, соответственно, философы в обосновании начал нашей жизни? Вы утверждаете, что есть эти обоснования. Я бы хотел все-таки, чтобы привели примеры, какие всё-таки вещи в философии были обоснованы.

В.М. Фигуровская. Мне кажется, современная философия не влияет практически на то, что сейчас происходит. И причиной такого положения философии в современном мире является то, что старые

философские системы, старые философские учения уже кажутся отжившими. Не потому, что они плохи, а потому, что они перестают быть востребованными в современной рыночной экономике. А новых философских учений, новых философских систем мы не имеем. И отношение к философии складывается такое, что кому-то она интересна, это люди, которые внутреннюю какую-то тягу имеют к обсуждению вечных проблем. А значительная часть интеллектуальной элиты не нуждается в философствовании. Те вечные проблемы, которыми занималась философия, не утилитарны, а значит, они сейчас не представляют интереса для людей, которые делают жизнь. Философия всегда конструировала некую возможную реальность, а современная наука, современная общественная практика – они реально делают действительность, не задумываясь над основаниями, а пытаюсь выстроить некую целенаправленную, целесообразную деятельность. А поскольку основания не продумываются, результаты этой деятельности часто оказываются совсем не теми, на которые изначально делалась ставка. Поэтому положение и философии, и философов в современном мире очень зыбкое, и философии приходится всё время как бы оправдываться, что она вообще-то должна быть и без нее общество не обойдется. Поэтому очень бы хотелось, чтобы осуществился прорыв в новый способ духовного видения, в новый способ духовного освоения и представления мира. Но пока этого нет.

Владимир Иванович Супрун. Помоему, вопрос должен быть, а почему, собственно, должна и имеет право философия претендовать на какие-то роли? Здесь как есть – так есть. По-видимому, вопрос: виновата философия, не виновата

философия, – это тоже большой вопрос. И почему она должна брать на себя некое бремя? Поэтому формулировки вопроса о социальных функциях философии, они, конечно, имеют право на жизнь и об этом надо говорить. Но я бы говорил о двойной функции философии: о социальной функции и об асоциальной функции философии. Это намного интереснее, потому, что тогда социальная функция философии обращена на человека и говорит о человеке. Тогда она не пыжится, пытаясь быть некой идеологией или мега-теорией, а именно говорит конкретно с человеком, как ему жить, в чём смысл его жизни. И тогда она будет бесспорно, востребована. То есть когда это асоциальная функция философии, в этом есть ещё и протест. Если философия будирует проблему свободы и говорит: ребята, почему вы должны вписываться в этот меркантильный мир, мир массовой культуры и массового давления? Философия в этом смысле всегда индивидуалистична и вот этот пафос философии будет востребован, она действительно тогда будет нужна. Плюс к этому, если вернуться к социальным функциям философии как таковым, то я считаю, она востребована, бесспорно, современным социумом, и я бы даже сказал, бизнесом. Тема, например, видения – это одна из основных тем современного менеджмента. Какая может быть стратегия, если крупные западные так называемые think tank'и и крупные корпорации, разрабатывая свое видение, бросаются к философии? У них же философия бизнеса или философия компании. Это не расхожие фразы красивые, красоты, это реальная попытка выстроить долгосрочную стратегию. Социальная функция философии всегда была в этом смысле такая, чтобы выстраивать долгосрочную стратегию и это очень

даже востребовано. Это в непросвещенном обществе философия занимает какое-то ущербное положение. А на самом деле роль мозговых центров, think tank'ов, очень велика в современном мире.

Вторая функция, я бы сказал, социальной философии – это интеллектуальное лидерство. Вот может современная философия претендовать на интеллектуальное лидерство? Ответ: нет. Не может претендовать, потому, что она барахтается в неких конгломератах мелких проблем, часто плачется и на самом деле погребена под ворохом этих парадигм. Вот специалисты, специалисты по Платону, специалисты по Гегелю, но это говорит о профессионализме, но не о востребованности обществом. Никому не нужен, в принципе, Платон, никому не нужен Гегель, это никому не нужные старые парадигмы. А попытка выйти на профанализ, то есть синтезировать некий синтетический вариант, у философов современных не получается, и поэтому претендовать на интеллектуальное лидерство современная философия не может. То есть она не может воспитывать лидеров, а это было бы очень неслабо, если бы она попыталась это сделать. Но для этого нужно создавать новые идеи и новые парадигмы. То есть социальная функция философии велика, и у неё были бы неплохие перспективы, но нет идей и нет философов.

И ещё последнее. Философия могла бы выполнить функции некоего духовного замка, духовного оплота в обществе. Против чего? А против орд этих кочевников, этого нашествия массового общества. Вот если бы она попыталась выстроить этот замок, вырыть рвы и биться до последнего за свои ценности, мы бы сказали: хорошо, мы укроемся за стенами этого замка. А укрываться пока не за чем.

Виктор Васильевич Крюков. Раз уж Олег Альбертович выдал, что это я втравил вас в сегодняшнюю дискуссию, то я попытаюсь вернуться к предмету разговора.

В.И. Супрун. А мы ушли от него?

В.В. Крюков. Конечно, с первого же шага, когда кинулись в мифологию. Мифология прекрасно существовала десятки тысяч лет, и никакой философии не было нужно. Философия появляется тогда, когда мифология перестает работать. Именно вопреки мифологии появляется идеология и происходит это, когда общество переходит от родового строя к гражданскому. Гражданское общество востребует идеологию. Всё-таки возвращаюсь к предмету разговора. У нас в НГТУ есть такой Народный университет. Я прочитал там несколько лекций, где предложил такую аналогию: есть такое выражение – склад ума. Склад ума, как он сложен, какова его архитектура, архитектурника. Гармоничный он или уродливый, этот ум. Ну и вот как это оценить? Я им предложил: давайте возьмем житейское слово «склад». Склад – это помещение, где мы храним какие-то вещи или, там, единицы товара. Можем мы оценить, хороший у нас склад или плохой? Конечно. Но если мы так поступаем с вещами, почему нельзя сделать то же самое в своей голове? Просто, навести порядок, разложить всё по полочкам. И тогда: хороший склад ума – это ум организованный, упорядоченный, систематизированный, светлый.

И еще одна аналогия. У древних греков, которые, как известно, были родоначальниками, есть пара дополняющих друг друга понятий, но при этом антонимов, это хаос и космос. Хаос – это плохо, поскольку в хаосе мы не сможем найти то, чего нам надо. Ну, а космос как раз и есть тот самый порядок, та самая организация, скажем, в противо-

положность бурлящей толпе на рынке это военный строй. Отсюда, тогда любовь к мудрости заключается в том, чтобы навести порядок в своих мозгах, сделать их красивыми, упорядоченными. Красивый ум – красота ума не определяется сюжетами. О чём мы говорим – о природе ли, о Боге ли, об общественных ли каких-то событиях персоналиях и прочее – не важен сюжет, важна стройность мыслей, которая должна быть присуща действительно мудрому человеку. И вот чем всю свою историю занималась философия, она занималась в разных вариантах именно красотой ума, наведением порядка в мыслях, организацией нашего интеллекта. Вы полагаете, что эта проблема неактуальна? Она остро актуальна, учитывая современное состояние общества. В последние 20 лет в головах людей возник такой хаос, в головах огромного количества людей, даже людей весьма и весьма образованных. Даже, может быть, как ерничал по этому поводу Иммануил Кант, людей, наделенных всевозможными званиями, степенями, дипломами и прочее, и прочее. Но когда даже такого человека попросишь высказать своё мнение, кажется, что он напроцень лишен способности суждения.

Я закончу следующим образом: социальная функция философии и сейчас, как во все времена, заключается в том, чтобы упорядочивать элементы общественного сознания, а через них наводить порядок в головах каждого отдельного человека, каждой личности и тем самым упорядочивать общество, приводить к общему знаменателю, не всегда полностью однозначному, но, по крайней мере, находить общий язык, на котором люди могли бы общаться друг с другом, выражать какие-то мысли и понимать друг друга при этом. И вот этот универсальный язык понятий, общечеловеческих,

или общих для некоторого социума, – это социальная функция философии.

В.И. Супрун. Вы могли бы привести пример универсального языка?

В.В. Крюков. Пример универсального языка? Ну, например, Владимир Иванович: Кроха сын к отцу пришёл / И спросила кроха: / Что такое хорошо / И что такое плохо? А вот тут мы тогда с вами, допустим, с позиции аксиологии растолкуем, что такое ценности, как эти ценности выстраиваются в иерархию, почему ценности меняются вот последние 20 лет, в какую сторону идет процесс модификации ценностей. И в этом отношении, конечно, если мы говорим о социальной функции, нам интересно, как *меняются* человеческие интересы, пристрастия, вкусы, убеждения и прочее, прочее, и не важно, что там делается в естествознании, какие там новые открытия появились в физике или химии.

В.А. Бойко. Буквально пять слов: для этого не нужна философия, для этого есть психоанализ.

Олег Глебович Сосунов. Не философ. У меня вопрос такой: порядок может служить на каком-то этапе ускорителем развития, а на каком-то момент может стать тормозом развития, любой порядок.

В.В. Крюков. А в чем вопрос?

– Можно навести в мозгах порядок, в науке, но он станет тормозом развития. Вопрос такой: нужен ли порядок, надо ли стремиться к абсолютному порядку?

– Здесь слово «абсолютный» порядок не звучало, кстати.

– Даже относительный порядок. Где тут грань между абсолютным и относительным порядком?

В.В. Крюков. Хаос жизни во все времена нарушает порядок, и задача философа во все времена, в том числе и сегодня,

находить новый уровень порядка. И преодолевать тот хаос, который врывается со всех сторон в наше бытие.

О.Г. Сосунов. Можно пример приведу? О том, что хаос необходим. Сейчас развивается новая отрасль математики: квантовые вычисления. Так там как раз смысл в том, чтобы между квантовыми кубитами хаос организовать.

О.А. Донских. Это пример настолько абстрактный и он замечателен тем, что абсолютно ни к чему не применим. Это я прекрасно понимаю, нет, я могу привести гораздо более простые примеры.

В.В. Крюков. Мы этот хаос в 90-е годы внесли. А сейчас приходится упорядочивать.

Константин Михайлович Курленя. Я тоже не философ, тем не менее хочу поддержать Владимира Ивановича. Но в контексте последних высказываний, наверное, начну с другого. Понимаете, во всем том, что прозвучало, есть элемент какого-то философского высокомерия. Неужели о социальной функции философов и философии можно и нужно рассуждать только с позиций долженствования? Почему философ *должен*? Кого он должен наставлять и образовывать? Кому должен доказывать, что обладает истиной, тогда как другие не обладают? Что он должен упорядочивать? Я теперь уже и не знаю, то ли мне «комнату освещать, чтобы военный строй лицезреть», то ли ярлычки наклеивать – кто должник, а кто – нет.

Теперь я перехожу к главному: вообще-то рассуждать о социальных функциях философии, как мне кажется, нужно более осмотрительно. Пока получается, что социальная функция философии есть нечто неубывающее; постоянная величина, которая не иссякает, но и содержательно не

изменяется. Однако степень применения социальной функции к самой философии зависит от ее объяснительного и прогностического потенциала. Как только картина мира меняется, объяснительный потенциал философии тоже испытывает изменения, в связи с чем начинаются корректировки в области содержания самой философии, так и ее социальной функции. Вот в чем главное. Поэтому я бы стремился к тому, чтобы дискуссия возвращалась к исходной заявленной теме, к чему Олег Альбертович как раз и призывает. То есть не уходить от разговора о том, как философы себя сами идентифицируют в социуме, каково, по их мнению, содержание социальных функций философии, и не сбиваться на требования о том, что должно предоставить общество философам для их самореализации. Следует помнить, что в эпоху мифологии существовало общество без философии и благополучно без нее обходилось. Начиная с эпохи Промышленной революции, предпринимались попытки отрицать традиционный рационализм с его академической проблематикой – и, представьте себе, мир устоял! Устоит и в этот раз. Поэтому было бы правильнее не миру предъявлять счет и навязывать какие-то позиции (должен – не должен), а пытаться понять, что изменилось вокруг. Возможно, на сегодняшний день социальная функция философии состоит в том, чтобы разобраться с собственным научным самоопределением. Это, по моему, важнее.

Георгий Александрович Антипов. Я согласен с Виктором Васильевичем Крюковым в двух его тезисах: насчет порядка, того, что философия вносит в мир и призвана вносить в него, в некотором смысле, порядок. И в том, что функция философии в том, чтобы наводить порядок в мозгах –

на счет склада ума и так далее. И первый мой тезис в поддержку Виктора Васильевича – надо внести следующий порядок. Надо различить философию как таковую, прежде чем говорить о функциях ее, отличив от философствования как такового; отличив от философской традиции, существует она или нет; отличив от деятельности философов. И отличить еще, выделить в этом менделеевском списке профессорскую философию. Всё это, вообще-то, разные контексты, разные ситуации и разные сюжеты. Но начинать нужно с философии и в общем-то надо ясно представлять её место, её статус в культуре. Философия, с моей точки зрения, – это форма рефлексии, или вот тут об основаниях. Да, философия – это рефлексия конечных оснований человеческого бытия в конечном счете или рациональные рассуждения в плане этих конечных оснований. Таковыми выступают добро, моральные, эстетические ценности, а их много. Так вот, рефлексия по поводу оснований – это и есть философия. А что это значит? Это означает, что поле, в котором живет философская рефлексия, является полем культурных смыслов. Я бы подчеркнул, что смыслов не в сугубо семиотическом, филологическом плане, а культурных смыслов. Или то, что Платон, ещё наивно, ещё не вполне освободившись от мифологического сознания, называл эйдосами. Значит, культурные смыслы, с которыми имеет дело философия, они объективны, но не в смысле материи, вещей, атомы и т.д. Они объективны относительно индивидуального сознания, относительно человеческого мышления. С этим человек сталкивается, когда он обращает внимание на правила языковой коммуникации, логические правила, на существование моральных установок и так далее. Они объектив-

ны, но они не вещественны. И большое злодейство марксистско-ленинской философии, что вот эти два контекста очень важных, они сплющены, схлопнуты. Материальность в смысле материальности внешнего природного мира и объективности, которая имеет место в социальной...

Поэтому, если говорить о философии вообще, о её социальной функции, то её социальная функция и заключается в рефлексии конечных оснований человеческого бытия, которая и составляет то, что именуется мировоззрением, и эту функцию она выполняет со времен древности и по настоящее время. Я имею в виду мировую философию, исключая наше благословенное отечество, где она существует лишь в профессорской форме.

Василий Иванович Кузин. Сформулированный вопрос предполагает, во-первых, определение того, чем вообще занимаются философы, а во-вторых, – характеристику нынешней общественной ситуации.

В понимании того, «что такое философия», нам вряд ли удастся прийти к согласию, так же, как это не удалось сделать многим поколениям наших предшественников. В сегодняшнем обсуждении неоднократно звучало определение философии как «рефлексии относительно предельных оснований». Такое определение вполне можно принять, если только осознавать его частичность – как в отношении рефлексии, так и в отношении предельных оснований.

Рефлексия является основным средством так называемой «нормальной философии» – по аналогии с «нормальной наукой» Т. Куна. (В особенности это относится к рефлексии, выбирающей в качестве ориентира закон достаточного основания.) Что же касается «революционной фило-

софии», то она, как уверяют нас великие, рождается в «созерцании» «гениальной интуиции», «откровении», «воображении», «озарении» и т.д. В этом сходятся Платон и Декарт, Плотин и Шопенгауэр, Бердяев и Хайдеггер и т.д. Беда в том, что в отличие от нормальной науки, которая является и считается достойным и нужным занятием, нормальная философия, по крайней мере, сегодня, редко кого интересует. Пытливый ум предпочитает постигать Канта и Маркса, а не кантианцев и марксистов. Нам не известно точно, было ли когда-нибудь иначе, но в современной ситуации социальная значимость нормальной философии близка к нулю.

Рефлексия (доказательства, обоснования, устранение логических противоречий и т.п.) разворачивается в рамках имеющихся словарей и соответствующих им картин мира. Философское созерцание, соображение, интуиция – это средства создания новых словарей и гештальтов. В этой части своей работы философ всегда – создатель *парадоксов* (как уверяет Ортега-и-Гассет).

На мой взгляд, в самом общем виде задача философа заключается в том, чтобы сделать наш мир – внешний и внутренний – более понятным. Обнаружение оснований (в том числе предельных оснований) – это очень распространенная модель понимания, хотя и далеко не единственная. Поиском предельных оснований обеспокоены мыслители, которых в истории философии называли фундаменталистами, метафизиками, догматиками, реалистами. Сегодня мы чаще всего называем их *модернистами*. Модернисты верят, что в своих новых описаниях мира они приближаются к *реальности*, «к самим вещам», открывают реальность. Модернисты убеждены, что без знания подлинной реальности невозмож-

но продуктивно рассуждать о привычном для нас жизненном мире. В противоположность им мыслители *постмодернистского* типа уверены, что можно вполне осмысленно говорить о ценностях, о добре и зле, о справедливом или несправедливом обществе и т.п. безотносительно к предельным основаниям. Постмодернисты убеждены, что их новые описания просто *лучше* старых: удобнее, понятнее, изящнее, полезнее, актуальнее.

Позиции двух названных групп мыслителей можно считать основными линиями в философии. И тогда история философии окажется противостоянием онтологии и логологии, реализма и номинализма, метафизики и иронизма, структурализма и деконструктивизма, феноменологии и герменевтики и т.д. Однако возможен и другой вариант: собственно философами считаются только модернисты, а все остальные – маргиналы в философии. Начиная с Платона, в продолжение многих веков философия маргинализовала своих противников под рубриками софистики, риторики, литературы, политики, истории, социологии и т.д.

Нужна ли философия сегодня (если философия только одна), или какая философия нужна сегодня (если их две)? Чтобы ответить, надо хотя бы кратко охарактеризовать это «сегодня». Характеристика любой эпохи всегда зависит от того, какую модель истории мы примем. В качестве рабочего мы можем взять популярное определение современного общества опять-таки как постмодернистского. Утвердившиеся в качестве хрестоматийных черты этого общества: неверие в метарассказы, плюрализм, эклектика, релятивизм, временный характер производства и потребления, торжество симулякров, симуляций и артефак-

тов, смерть субъекта и шизофрения, обесценивание ценностей и прагматизм...

Какой шанс на успех имеет доказательная – рефлексивная и основательная – философия у людей постмодернистской эпохи? Скорее всего, шанс очень небольшой. Наш современник не соблазняется логикой и предельными основаниями. Это происходит (помимо всего прочего) еще и потому, что сегодня, как кажется, чтобы жить и действовать, человек не очень нуждается в предельных основаниях. Похоже, он даже не нуждается в наличии у него человеческой сущности, самости, ядра личности, умопостигаемого характера и т.п.

Чем же тогда являются поступки человека, если не реализацией самости и воплощением принципов (оснований)? – Подражанием, копированием, тиражированием и т.п. Что может побудить современного человека подражать чему-либо конкретному в условиях избыточного предложения объектов подражания? Полагаю, исключительно *эффект*, производимый объектом. Мы больше соблазняемся эффектом, правдоподобием, убедительностью, нежели истиной, доказательностью, интенцией. Истина и доказательство – это изначальная претензия философов и модернистов всех времен. Эффект и правдоподобие – достояние софистики и постмодернистов последующих поколений.

Если считать «настоящей» философией только модернистскую философию, то придется признать, что сегодня она мало востребована и малоэффективна. Даже в преподавании мы сегодня в отличие от Платона, Фомы Аквинского, Гегеля или советских марксистов редко отваживаемся излагать «единственно верную философию». Мы равно убедительно реконструируем альтернативные философские позиции,

скрывая эклектику под рубрикой «истории философии».

Деление философии на модернистскую и постмодернистскую не совпадает с делением на нормальную и революционную философии. Скорее, эти две пары понятий, перекрещиваясь, образуют простейшую табличку с четырьмя клетками: модернистская революционная, модернистская нормальная, постмодернистская революционная и постмодернистская нормальная. Из этих вариантов наиболее актуальной в настоящее время нам представляется *постмодернистская революционная* философия. У мыслителя по-прежнему остается возможность обсуждать любые проблемы, волнующие человека и общество, видеть их в новом свете, находить в них не существовавшие ранее аспекты и неожиданные смыслы.

Лев Леонидович Штуден. У меня была некоторая надежда на обсуждение первого тезиса, – о том, какую всё-таки функцию философы выполняют. Вот представьте, лодка в океане, с большой дырой. Экипаж в панике и спешке заделывает эту дыру, а какой-то человек сидит в это время на корме и играет на флейте. Остальные заделывают. Некоторые оглядываются на флейтиста... Может быть, это помогает им отвлечься от сиюминутного кошмара? Флейтист в какой-то мере, даже если признать его полным идиотом, выполняет здесь необходимую социальную функцию. В современном мире философ-профессионал напоминает мне этого флейтиста. Можно попытаться вспомнить, когда же действительно философия оказывала очень мощное воздействие на, – ну, не скажу – на ход мировых процессов, но, по крайней мере – на мышление? Можно вспомнить, например, Платона и его воздействие на хри-

стианскую философию; Аристотеля, его воздействие на философию ислама, опять потом на христианскую философию; Гегеля, которым безумно увлекалось русское дворянство в первой трети девятнадцатого века... Наконец, Маркс.

Г.А. Антипов. Кстати, он не философ.

Л.Л. Штуден. – Ну, есть разные мнения по этому поводу... Но как раз из Маркса вырос знаменитый миф XX века.

О.А. Донских. Мне кажется, он обосновал этот миф.

Н.С. Розов. А почему миф-то? – С Розенбергом?

Л.Л. Штуден. Нет, речь идет не только о Гитлере.

– Это серьезное заявление в таком обществе.

– А почему коммунизм – это миф? Это утопия.

Л.Л. Штуден. Нет, это самый настоящий миф. Потому, что именно он так воздействовал на сознание, что привёл в конце концов к появлению нового вида в сообществе людей: homo soveticus. Ну, хорошо, не будем обсуждать собственно миф XX века... Повторяю, меня пугает мысль о том, что роль философии – «привести в порядок» чьи-то мозги. Кто определяет порядок? Каким должен быть этот порядок? И почему надо выстраивать человеческие мозги обязательно согласно этому, да и любому другому порядку? Пожалуйста, у нас были присяжные философы в годы советской власти, которые считали, что им это известно. Они пытались это делать. В какой-то мере им это удавалось.

– Это же не философы были, это идеологи, пропагандисты.

– Идеологи, правильно. Давайте мы не будем заранее вешать табличку на кого

удобно, но так и было. Сейчас, мне кажется, как раз наступил такой момент, когда философия должна вмешаться. Всеми силами. Почему? Потому что сейчас исчезает главное. Исчезает не только основание мысли, как предостерегал Мамардашвили. Исчезают ценности.

Ю.П. Ивонин. Куда же они исчезают?

А.А. Штуден. А непонятно!

– В карманы олигархов.

(Общий смех)

А.А. Штуден. Не имею понятия! Вот мне и кажется, что философия могла бы попытаться взять на себя роль защиты.

Н.С. Розов. Хочу спросить Олега Альбертовича. Очень важно корректно формулировать вопрос для общего обсуждения. Здесь есть расхождение с начальной формулировкой. Я попробую на свой язык вопрос перевести. Речь идет вот о чем. Каково интеллектуальное долженствование во внутренней идентификации философа? Сегодняшний философ как должен определять, что именно он должен делать в современной социальной и культурной ситуации? Ведь это совсем другой вопрос, давайте тогда на него отвечать.

О.А. Донских. Но это продолжение первого, потому что там, по крайней мере, определились эти две позиции. Дело в том, что выявился водораздел, очень важный. Одна вещь, и, по-видимому, вопрос на это провоцировал, что вот есть социальная роль и философы должны её осознавать и выполнять. Это идея, которая идет из советского общества во многом. И есть другой подход: философия существует, она не может не существовать, она просто есть. Есть люди, которые этим занимаются и которые об этом думают, которые создают труды, относимые к философским. А уже другой

вопрос, что общество обращается к этому, не обращается – философ в этом смысле никому ничего не должен. Он интересуется какими-то там проблемами – пусть они связаны с Анаксимандром, с кем угодно, это роли не играет. Как Хайдеггер: он каждое утро читал античную философию, но был всё-таки философом 20 века. А уже другой вопрос, повторяю, как к этому относится сообщество. Дело в том, что для меня социальная роль философии не в том, что она что-то сформулирует, а в том, что в магазинах, которые забиты Дарьей Донцовой, тем не менее большие разделы мировой философии. Пожалуйста, можно Ницше найти, и Платона, и Аристотеля и так далее. Значит, это существует, это нужно, это же не исчезло и книги по кулинарии это не вытеснили совсем. Вот там она существует сама по себе, и я не думаю, что Платон считал, что он что-то должен 20-му веку. То, что он для Греции создавал утопию, это другой вопрос. Я уверен, что если философ поставит себя в ситуацию долженствования, когда он что-то должен этому обществу, вот тогда он сразу превратится в идеолога. Он перестанет быть философом. Просто вот исходя из этой установки.

В.И. Супрун. Это Вы говорите о пафосности философии. А вот очень важный оттенок, если анализировать, не знаю, Платон звучал постоянно. Почему-то Локк к нам не приходил сегодня, можно еще о Джоне Стюарте Милле сказать. Вы знаете, философ говорит всегда со временем вообще, так сказать, имеет дело с *вечными* проблемами, но всегда является порождением культурного контекста. Вот английская эмпирическая философия. Почему английская эмпирическая философия, туда относится Беркли, туда относится Юм, туда относится Локк, туда относится Джон

Стюарт Милль, почему она не во Франции, а в Англии? Потому что это выражает общий культурный контекст и умонастроение *этой* страны, *этого* типа культуры. Поэтому всегда философ говорит: наплевать на всё остальное, я буду сам с собой говорить. Это верно. Но, между прочим, и Юм, и Локк, и Милль, и Руссо – они всегда говорили со своей культурой и со временем вообще. Но со своей культурой говорили всегда.

А вот здесь, в России, всё это потеряно. В России не говорят со временем. Кончили говорить со временем в определенный момент времени, такой парадокс. А с другой стороны, не выражают и этот контекст. Не осмысливают собственный контекст. Вот две проблемы, которые стоят перед российской философией. Именно перед российской, потому, что русская философия кончилась.

Н.С. Розов. Скажу сначала несколько слов по первой формулировке. Как известно, у каждого вопроса есть предпосылки. А здесь предпосылка достаточно понятная: есть общество, как особая система и у этой системы есть функции. Так думал уважаемый господин Парсонс, и эта идея структурного функционализма вполне соответствует установкам советского марксизма-ленинизма, здесь они практически идентичны.

В современной же социологии, насколько я могу судить, такие установки считаются фактом истории идей середины 20 века. Никто сегодня серьезно эту структурно-функциональную парадигму не использует. Нет общества как системы и нет заданных функций, которые выполняют философы. Соответственно, о чём же можно говорить?

Говорить можно о том, какое реальное влияние сегодня оказывают философы на общество. Ну, допустим, российское. Здесь

я присоединяюсь к позиции В.М. Фигуровской и В.И.Супруна – практически никакого влияния нет. Но это не совсем ноль, поскольку единственная философия, которая пока теплится, – профессорская. Не бывает у нас сейчас практически философов, кроме совсем уж редких самородков, которые не преподавали бы в вузах. Соответственно, какая это функция? Либо она конструктивно упорядочивающая или запутывающая, разрушающая. На самом деле, это вопрос эмпирический и социологический. Я бы тоже предложил здесь различать самовосхваляющую мифологию, о чём, кстати, хорошо Владимир Анатольевич говорил, – это тот жанр, в который бы здесь не хотелось больше впадать, убеждать самих себя, как нужна философия, как бы убеждать чиновников, чтобы они увеличили число часов, ставок и т.д. Неинтересно это всё.

Вместо этого хорошо было бы поговорить о том, есть ли социологические и психологические исследования, в которых был бы поставлен следующий вопрос. Вот у нас есть студенты до прослушивания курса философии, и у них такое-то мышление и мировоззрение, а потом они прослушали курс философии – и что же стало с их мышлением и мировоззрением?

Здесь возможны варианты. Например, есть такой вариант, что ничего не произошло. А другой может быть вариант, что очень сильно у них расширился кругозор и повысилась критичность мышления. И там, где был порядок, возникли сомнения и беспорядок и, вообще говоря, это хорошо. А может быть еще такой вариант. Например, студентам внушили, что превыше всего державность, соборность и духовность, а потом они пошли в клуб качков, в боевые отряды, чтобы бить маргиналов, хиппи и приезжих инородцев, либо стали состав-

лять «идеологическое обеспечение» для такого рода околофашистских движений. И огромное количество провинциальных философов именно в эту сторону настраивают нашу молодежь. Кто-то может считать и, может быть, будет прав, что именно в этом «социальная функция философии». Есть вот такая реальность и её, конечно, нужно изучать эмпирически.

А есть еще философский вопрос, это вторая формулировка у Олега Альбертовича. Она чрезвычайно значима, но ответить на этот вопрос непросто. «Как бы не обстояло дело вовне, а я как философ *что* должен делать?»

Здесь, конечно, правильно говорилось, я это полностью поддерживаю, что философия занимается основаниями, но не только основаниями жизни, а я бы сказал – основаниями суждений и действий. В том числе, суждений относительно жизнестроительства и так далее. И, по-видимому, здесь нельзя говорить, что всегда одно и то же должна делать философия. Как у Гераклита: вечный огонь мерами возгорается и мерами угасает. Как в Библии: есть время разбрасывать камни, есть время собирать камни. Чрезвычайно важна всё-таки *критическая* и *разрушающая* функция философии. И иногда, когда в обществе возникают догмы, которые направлены на укрепление несправедливого, стагнирующего, репрессивного режима, то вот эти догмы и вот этот «порядок» очень даже нужно разрушать. И кому же это делать, как не философам? Может быть такое предназначение в некоторых исторических ситуациях. А может быть, следует пытаться изобретать новые идеи, которые заместили бы эти догмы. Причем нет никаких гарантий, что эти новые идеи опять не превратятся в новые догмы, которые опять нужно будет разрушать.

О.А. Донских. Я думаю, что второй пункт выполняет очень простая вещь. Это осознание внутренней свободы. Потому, что она порождает уже дальше те концепции, которые могут возникнуть.

В.И. Супрун. Внутренней свободы человека или у группы философов?

– Я говорю об отдельном человеке-философе. Внутренняя свобода у группы невозможна по определению. Так что ставить задачу разрушения как такового – это не задача.

– А почему не задача? Это направление критической философии. Я называю это асоциальной философией, а он – критической.

В.М. Фигуровская. У философов, как они хорошо могут друг друга понимать.

О.А. Донских. Это отдельный разговор, также, как и педагоги. Я говорю о том, откуда импульс внутренний – вот и всё. Потому что изначально для того, чтобы человек мог сохранить внутреннюю свободу, он обязан критически относиться к основаниям. Это глубже, чем просто: давайте критикуем вот этот режим или другой режим. Я считаю, что вот это, кстати, главное, что появилось в греческой философии, то есть именно возможность относиться свободно к своему государству: можно его оправдывать, можно осуждать. Сократ делал и то, и другое.

В.М. Фигуровская. Интересно, а у нас изменилось что-то по сравнению с древнегреческой философией? Совершенно ничего!

– У нас? Я думаю, что мы ушли на шаг назад.

Сергей Петрович Исаков. Мы – совершенно закономерно – перешли от вопроса о социальных функциях философов к вопросу о функциях философии. Может

быть, как раз потому, что в современном обществе философы просто незаметны. Мне кажется, это связано с тем, что сегодня философия как таковая обществом – массой – не востребована. Ведь если в обществе есть какая-либо духовная потребность, «болевая точка» – она вызывает и средства ее удовлетворения. И если эта потребность насущна, то, поскольку общество весьма неоднородно, всегда существует целый спектр «ответов»: популярный, элитарный, профессиональный... Смотрите: искусство есть во всех мыслимых и немыслимых даже формах, сразу видно – оно востребовано. Религия – то же самое, общественная потребность в ней несомненна. Наука – здесь разрыв между массовым и профессиональным уровнями шире, но существует и востребована популярная литература, музеи, научно-популярные фильмы собирают многомиллионные аудитории. А вот популярной, массовой философии в обществе не ощущается. Разве что этические вопросы волнуют людей, но и здесь интересуют, так сказать, рецепты, а не поиски смыслов и предельных оснований. Да, философия преподается в вузах, ее заставляют учить, и какие-то бессвязные обрывки понятий и принципов в головах людей присутствуют, но не как ответы на мучительные вопросы, а просто как заученные слова и фразы. Сделают философию не обязательным предметом, а факультативом – и этого не будет.

В.М. Фигуровская. А поговорить?

– Не об основаниях.

В.А. Бойко. Французское просвещение, марксов материализм – чем не массовая философия?

О.А. Донских. А Ницше насколько был популярен! Чем не массовая философия?

С.П. Исаков. В 19 веке – да, и об уже говорили, кстати, сегодня.

В.М. Фигуровская. А двадцать лет назад, когда несколько человек за столом собирались, обязательно был разговор на философскую тему.

С.П. Исаков. Это была реакция на внедряемую идеологию. Как только этот топор, так сказать, убрали – всё, пар вышел и стало тихо.

– Бандитизм, как последняя стадия развития.

О.А. Донских. Да нет, я не думаю, что это последняя. Всегда есть, что отнять.

Хорошо, по этому вопросу есть что добавить? Я думаю, что в основном мы позиции обозначили.

В.И. Кузин. Я задавал вопрос, если у кого-то есть оригинальный ответ, я бы с удовольствием выслушал. Давайте представим, что с завтрашнего дня не будет философов, не будет философии, книжки не будут продавать. Что произойдёт, что изменится конкретно?

– Завтра – ничего.

– А когда изменится?

– А вот должна ли философия искать ответы на такие извечные вопросы: что такое жизнь?

О.А. Донских. Нет, вопрос «должна», я, и не только я, уже по этому поводу говорили, она не может этого не делать. Она уже две с половиной тысячи лет ответы придумывает.

В.И. Кузин. Действительно, философия в ее академических, профессиональных (может быть, *конфессиональных*?) формах слабо представлена в массовом сознании. Возможно, ситуация будет выглядеть не столь безнадежной и безрадостной, если мы различим философствование как тип деятельности и философию как обо-

собленную дисциплину. Поскольку для самой философии различение *сущности и явления* представляется очень важным, постольку не будет слишком произвольным, если мы отличим сущность философии от исторических явлений, известных под именем «философия».

Допустим, что сущность философии есть. И что суть философствования заключается, например, в открытии истинной реальности (истины, бытия). Тогда мы можем констатировать, что эта сущность обнаруживала себя в истории культуры под разными масками и именами. И, напротив, зачастую то, что предьявлялось как философия, никак не реализовывало сущность философии. Предваряя изложение, можно сказать, что философия, как и бытие, «любит скрываться» и выдавать себя за иное.

Уже само имя «философия» (если верить Ортеге-и-Гассету) было взято мыслителями не для прояснения сути своей работы, а скорее, для ее вуалирования. И последующую историю философии можно охарактеризовать как «игру в прятки». Так, многие античные философы, по свидетельству Филострата, стремились выглядеть, как софисты. Римская философия и софистика 2–3-веков до сих пор в основном квалифицируется как «литература». Западные философы средних веков по необходимости должны были быть теологами. В Новое время (вплоть до 20 века) философия старалась выдать себя за науку, и значительная часть философов стыдилась не быть учеными (результат «терроризма лабораторий»).

Думается, наибольшего общественного влияния философия добилась под маской религии. Речь идет не только о буддизме, философский характер которого общепризнан. Ницше определял христианство

как «платонизм для народа». На наш взгляд, большинство религий выполняют философскую работу, когда учат своих адептов *отказываться* от своих желаний, *смиряться* с несчастьями и *терпеть* страдания. Для всего этого, как убедил нас Кьеркегор, вовсе не нужна вера в Бога и не нужен сам Бог. Для того чтобы отказываться и терпеть, достаточно лишь разумного (философского) мышления.

В настоящее время наиболее действенными способами предьявления философии являются, на наш взгляд, политика, литература, психология и так называемая «эзотерика».

В сфере *политики* (и этики) философия присутствует в форме дискуссий о справедливости, морали, общечеловеческих ценностях, лучшем социальном устройстве, правах и обязанностях граждан, национальных особенностях и судьбах России и т.д. Благодаря средствам массовой коммуникации подобные дискуссии становятся достоянием широкой публики.

С *литературой* у философии давний роман (современные ироники саму философию квалифицируют как *род литературы*). Сегодня, говоря о литературе как философии, мы имеем в виду не только собственно литературу, но также литературную критику, филологию, лингвистику. Данная форма философствования популярна в довольно многочисленных кругах интеллектуалов (если вообще круги интеллектуалов бывают многочисленными).

Психология испокон веков была важной частью философии. Мы помним, что Ницше называл себя психологом и призывал вернуть психологии статус «вышей науки». Сегодня философия в облике психологии предьявляет себя в широком спектре концепций: от ортодоксального

психоанализа до разнообразных вариантов гуманистической и экзистенциальной психологии. Комплексы неполноценности, бессознательные влечения, сексуальные фрустрации и другие подобные «объекты» давно стали тривиальной частью общепринятой картины мира.

Что касается «эзотерики», то она, пользуясь широким спросом, представляет собой очень разнородный и очень разнокачественный корпус интеллектуальной продукции. Помимо прочих задач эзотерика выполняет и традиционные философские функции: создавать парадоксальные (то есть новые) картины мира; открывать за кажимостью явлений истинную реальность; придавать смысл всему происходящему в мире, в том числе и человеческой жизни.

Нина Ильинична Макарова. Как ни наивно это звучит, но я согласна со Львом Леонидовичем в том, что важной задачей философии может быть определение, формулирование тех культурных ценностей, которые способствуют благоденствию людей на земле и, в более узком плане, благополучию нашего российского общества. Если мы вспомним эпоху Возрождения с ее интенсивным религиозным поиском, с расколом Церкви на католичество и протестантизм, то в философии начинает появляться течение, связанное с такими именами как Шарль Булье, Джироламо Кардано и Пьер Шаррон, ставящее своей главной целью выяснение, как можно жить долго и счастливо. Почему это течение появляется? Потому что была страшная религиозная нетерпимость, ведущая к ненависти и кровопролитию. Философы этого времени говорят: давайте не будем рассматривать религиозные вопросы, не будем анализировать, кто прав – католики или протестанты. Давайте лучше посмотрим,

как мы можем все вместе жить лучше, жить прежде всего без этой вражды и насилия. На первый план начинают выдвигаться вопросы национального единства и морального совершенствования. Если мы посмотрим на современный мир, то увидим, что сама жизнь на земле находится под угрозой. Перенаселенность и загрязнение окружающей среды, бесконтрольное развитие науки и вооружений, рост преступности и бедности, потеря идеалов, девальвация человеческой жизни – все это является грозным знаком того, что мировое сообщество находится в кризисе. Поэтому я считаю, что одной из важных задач философии является выявление и защита тех ценностей, которые могут позволить человечеству выжить. Это выдвижение на первый план той проблематики, которая способствует развитию понимания того, какие стоят перед нами задачи и каковы необходимые условия их решения.

Татьяна Александровна Ромм. Я не из философии, я из педагогики и хочу сказать, что у вас – философов также, как у нас – педагогов.

– Хорошо или плохо?

– Нормально, как в жизни. Я в пользу философии должна сказать одну вещь: вот можно ли про философию, как Николай Сергеевич говорил, сказать, нужна она или не нужна. Я в педагогике могу сказать одну такую вещь. Я не могу сказать, нужна или не нужна философия в контексте педагогики сегодня или завтра, но я могу сказать, как человек, получивший образование в эпоху советскую и преподающий уже много лет в эпоху несоветскую. Педагогика в эпоху советскую, оказывается, была очень эффективна. А почему она была эффективна? Вот вы называете это не философией, а идеоло-

гией, но была достаточно прозрачная и очень однозначно понимаемая картина мира. И на основании этой картины мира было очень легко выстраивать педагогическую модель и всё то, что мы называем педагогикой сегодня. А почему сегодня педагогика и всё, что связано с воспитанием, в яме? Можно называть очень много социальных проблем и причин этого, но одна из причин заключается в том, что педагогика не может однозначно дать ответ на вопрос, зачем она в этом мире, не ответив на вопрос, что такое воспитание. А ответить на вопрос, что такое воспитание, нельзя, не составив представления о том, что есть образ человека, мира, в котором этот человек и образ пути этого человека в мире. Понимаете? А когда сегодня, в сегодняшнем мире, педагогике (это ж прикладной аспект) сказали: нет единой философии, а есть вот это, есть вот это, есть вот это, то сегодняшняя педагогика оказалась в полном развале. Потому, что ей не сказали, как правильно, а как выбрать, что есть человек, что есть мир вокруг человека и что есть путь человека в этом мире, сегодняшняя педагогика не может, не обладает инструментом. Сегодняшняя педагогика, не ответив на эти вопросы, не отвечает на вопрос, что воспитать, кого воспитать. И поэтому она не отвечает на вопрос, для чего существует.

Г.А. Антипов. По-моему, Христос давно ответил на этот вопрос.

Т.А. Ромм. Совершенно верно, но, понимаете, сегодняшней педагогике философский контекст нужен позарез, но, к сожалению, это мы уже опять выходим на социальный аспект, в том объеме, в каком это есть, это не позволяет. И в итоге мы не можем образовать грамотного педагога, без философской хотя бы эрудиции. Как толь-

ко мы выходим со студентом на осмысление этих вещей, на то, что собой представляет траектория индивидуального понимания, так становится совершенно по-другому. Потому что невозможно дать человеку однозначно успешные *технологии* взаимодействия. Человеку нужно дать удочку, а не рыбу. Философия для педагогики – та самая удочка, которая позволяет эту рыбу удить.

В.М. Фигуровская. Мне представляется, что, во-первых, философия не может работать в рамках долженствования, как свободное мышление философия никому ничего действительно не должна. Но есть некая потребность, устремленность к постижению общекультурных установок; высших ценностей. Принимая их, отталкиваясь от них, философ предлагает свое видение мира и конструирует этот мир. Хотите – принимайте, не хотите – не принимайте. Тем и интересна философия, что сколько философских систем, столько этих картин мира. А если настаивать на том, что как-то философы между собой должны договориться и выработать какую-то общую картину – это же не просто утопия, это очень вредная вещь с точки зрения организации жизни.

– Это просто нереально.

– Нет, реально возможно. Да что вы! Марксистская философия, когда она существовала... Она предлагала очень четкую схему мироустройства, по которой можно очень четко всё выстроить. И то, о чём Татьяна Александровна говорит, это очень удобная схема. Это было реально – создать такую четкую систему организации образования, воспитания и всего прочего, что связано с формированием *нового человека*.

Юрий Перфильевич Ивонин. Речь шла не о чёткости, а об успешности. Это другое.

В.М. Фигуровская. Нет, успешность как раз была основана на чёткости, потому что достаточно определенно все было организовано и подчинялось базовым установкам. И вот в таком случае мне представляется, что не надо говорить о социальной функции философии. Философия нефункциональна в том смысле, что она не выполняет и не должна выполнять заранее заданного того-то и того-то. Это свободные размышления свободного ума. Но этот свободный ум изначально настроен на поиски предельных оснований и вечных ценностей. И никогда их не может найти.

– При этом претендует основательно на социальное лидерство. Вот социальная функция философа.

– Она уже ушла от этих претензий. Это другой вопрос, что с ней дальше будет, но она ушла от этих претензий, и сама философия понимает беспочвенность этих претензий. И вопрос-то действительно в том: что есть философия профессорская и что есть философия мировая? Это же разные вещи! И о чём мы тогда рассуждаем сейчас? О профессорской, о школьной философии? Тогда следует говорить о ее преподавании. А мировая философия – это духовный способ освоения мира. Не наука, не система нормативов, а это попытка попробовать понять эти предельные основания.

В.В. Крюков. Нет, ну когда мне навязывают единственно правильную форму мировоззрения, то тогда моя задача – расшатывать, подрывать, разрушать, этическая задача. Но когда мы в другую крайность ударились, что, вот, там есть десяток самых разных философских школ, и каждый философ по-своему прав – вот это хаос. В этом хаосе невозможно ориентироваться вообще никак.

В.И. Кузин. У меня вот такая реплика: я хотел бы обратить внимание на одну идейку. Коллеги говорили о различении философии и не-философии. Мне кажется, что мог быть вот какой аспект: если взять саму проблему, что мы понимаем под философией, обратившись к возникновению её как к типу мышления – это не просто рациональное мышление, мы всё время говорим про основания и прочее, и прочее, про ценности и смешивая с этим. Рядом возникло альтернативное мышление – софистика. Они вообще говорили, если обратиться о содержании, к чему они призывали, о правилах жизни, о ценностях и прочем – одно и то же. Вопрос был другой. Философы – это люди, которые считают, поскольку я буду говорить о ценностях, подразумевая всё остальное. Они считают, что говорить о ценностях можно, *только* обосновывая это бытием. А софисты считали, что можно говорить о ценностях, о политике, о том, как правильно устраивать жизнь, без обращения к тому, что такое бытие и есть ли оно. И в этом смысле мне кажется, что и эти два подхода характерны не только для Греции и не только для философии, мне кажется, что это два типа мироощущения. Есть люди, которым нужны основания для того, чтобы что-то делать, а другие люди считают, что, например, несправедливость, жестокость – они плохи, потому что я их считаю плохими, и их надо исправлять безотносительно того, как это относится к платоновскому благу. И поэтому вопрос, как он был сформулирован сегодня, он мог быть повернут и в эту сторону: то есть нужна ли такая функция философии, как обоснованного в конечных основаниях мышления. Или, как говорят, что нужно говорить о ценностях. Да о ценностях все говорят

сегодня: политики, хорошие литераторы, преподаватели и в этом смысле они не нуждаются в философии, как в мышлении бытия для того, чтобы высказывать вещи по улучшению жизни, по улучшению мозгов, потому что я не понимаю, почему только философия упорядочивает. Наука наверно упорядочивает ум, еще какие-то другие деятельности, технологии, занятие бизнесом упорядочивает ум, базами данных, и в этом смысле философия ничего оригинального здесь не привносит.

Г.А. Антипов. Не согласен с мнением в адрес софистов. Не согласен с похвалой. Протагор сказал: «Человек есть мера всех вещей». Античная традиция переваривала это исключительно в гносеологическом плане. Получалось, что субъективна истина, объективной нет... Но сам по себе тезис «человек есть мера всех вещей» подспудно несет в себе вектор: человек – высшая ценность – раз. И второй момент. Меня очень удивил этот вопрос – зачем нужна философия – в нашей уважаемой среде. Потому что сам вопрос некорректен для включенного в культуру и культурологически мыслящего человека. Потому что вся история культуры говорит, что без философии культуры не существует. Это так же, как если бы среди крутых физиков кто-то бы спросил: зачем нам теория суперстрон? По-моему, у Эдисона кто-то спросил: а зачем такое-то изобретение нужно? Он ответил: это точно также, как, если бы Вы спросили, зачем нужен этот ребенок.

О.А. Донских. В фильме «Девять дней одного года» герой Плотникова говорит: «Слушай, брось всё это, женись на красивой женщине...». Это к вопросу о том, нужна ли физика, это физик говорит физика, на самом деле.

У меня предложение всё-таки по порядку обсуждения. Дело в том, что мы довольно долго обсуждаем уже этот вопрос и остальные уже не сможем. Частично, с одной стороны, мы затронули вопрос об актуальности, но, с другой стороны, мы не рассматривали отдельные направления философии. У меня поэтому есть предложение. Вопрос, который мне кажется интересным и важным: способы предъявления философии. Я бы просил по этому вопросу по порядку просто высказаться по очереди. Дело в том, что когда мы говорим о профессиональной философии – здесь лекции, и человек как-то выступает и что-то говорит, то есть философия возникает в процессе общения прямого, личного. Потом появляется книга. Но она начинает работать как книга практически только после Гуттенберга. До этого она свою функцию в качестве книги не выполняет. Нужно, чтобы она стала метафорой мировой, как у Галилея, Шекспира: книгой природы, чтобы книга стала книгой. Сейчас у нас происходят на самом деле кардинальные изменения общения, связанные с компьютерами, с виртуальной реальностью, когда можно предъявлять всё. И в этом смысле так же, как переход от устной культуры к письменной, он изменил способ предъявления идей. Вот Гегель в устной культуре исключён в том виде, в каком он, по крайней мере, предъявлял себя.

Сейчас наступает новый этап в этом смысле. Вот об этом я хотел, чтобы мы как-то высказались. Есть ведь разные формы. Здесь сидят представители музыкознания: меня всегда интересовало, какие-то идеи музыка несет или нет всё-таки? Потому что в описаниях она несет всё. И я думаю, что невозможна великая музыка без великих идей.

И это радикальный переход, который может изменить способы философствования и так далее. И я бы предложил каждому об этом сказать, но уже без дискуссии. Я думаю, что мы не последний раз собираемся, я на это, по крайней мере, очень надеюсь, потому что есть очень важные вопросы, например, философия и идеология. А перед этим я бы хотел предложить слово Юрию Перфильевичу, он его не брал, может быть, по первому вопросу Вы хотите свою позицию высказать, о социальной функции.

Ю.П. Ивонин. Ну, на мой взгляд, и обсуждать-то нечего, очевидно, что есть социальная функция философии, ну хотя бы потому, что философия институционализована. Это есть некоторый факт, с ним не поспоришь. Его можно объяснять так или иначе, вопрос ведь только в понимании способов влияния и в том, каков объём этой функции. Совершенно очевидно, что здесь можно привлечь высказывание Вольтера, который сказал: философия – это не для сапожников. А в каком смысле и для кого она тогда? Философия улавливает лидеров – общественного мнения, общественного действия – и воздействует на них. Её воздействие в этом смысле является сугубо точечным. Ясно, что она влияет на сознание. Каким образом, кого она улавливает, почему это удается? Вот говорилось здесь в самом начале о том, как философия с мифом очень близки. Философия и есть сестра мифа, а отнюдь не оппонент. Философия никакой миф абсолютно не вытеснила, они существовали параллельно. Потому что философия – это тоже миф. Это рациональный миф о свободе. В качестве совершенно очевидного вывода и последней мудрости говорилось, что философия – это рефлексия и она работает над основаниями мышления

и действия. Это так. Но возникает вопрос: а как она в принципе может это делать, и какими средствами? И это огромная проблема. На самом деле, здесь огромная проблема.

– Для того, чтобы осуществлять рефлексию, нужно встать на какую-то более общую позицию. Возможна рефлексия над философией?

– Конечно, с точки зрения жизни.

Ю.П. Ивонин. Возможна, согласен, да. Что будет этой жизнью? В каком смысле возможна для нас какая-то над-философская позиция, если мы ищем основания и при этом мы не можем подняться над самими собой, мы не можем быть критичны по отношению к самим себе? Совершенно очевидно, что в этом случае мы должны покинуть мир слов. Не хотелось бы разводить много всякого рода размышлений, но мне кажется, философия это есть, прежде всего, практика трансцендирования. Это выход за пределы слов. И в этом смысле философия является псевдорелигиозной практикой. Псевдо- в том смысле, что она идет в сторону от того, что в этой области, в сфере трансцендирования делает религия. Задача религии – размягчить человека, утратить его себестождественность, идентичность, растворить в чём-то более высоком и тем успокоить. В этом смысле (я никого не хотел бы здесь пугать, но при этом хотелось бы быть честным с самим собой) философия – это люциферовская практика. В этом смысле она абсолютно естественно отвечает потребности человеческого духа и поэтому она находит последователей. Значит, философия прямо противоположна религии. Что бы ни говорили о том, что мало философии – отодвигает от религии, много

философии – к ней приближает, но суть дела в том, что философия – практика обеспечения устойчивости. Устойчивости, вопреки внешнему миру и вопреки самому себе. В этом смысле, повторяю, философия ищет и находит тех, кто хотел бы быть самим собой. Осознавая всю условность всех обоснований, всех долженствований, обязываний, я думаю, философия несет очень важную функцию, это функция создания внутреннего лидерства, хотя бы для самого себя.

– Как быть лидером самого себя? Есть понятие «самостроительство», оно уместнее.

Ю.П. Ивонин. Ну, есть например понятие «подкаблучник», очень удобная позиция, может он быть лидером самого себя? Нет. Очевидно, то же самое и практика самостроительства. Строить себя можно по-разному, прилагать много усилий и приносить много жертв. А результат?

– Ну и причём здесь сатанизм?

– Он отделяет от Бога. Ты сам становишься себе божеством.

Г.А. Антипов. Да нет, эту практику ты не можешь осуществлять, не обращаясь к конечным основаниям – они суть Бог. Есть добро и красота – вот ипостаси...

Ю.П. Ивонин. Хорошо, а я еще не закончил, одну секунду, пожалуйста. Спаситель, во время краткой командировки на землю, произнес знаменитую фразу, которая вполне относится к философии: не судите и не судимы будете. Это же запрет на аксиологию, на самом деле, запрет на поиски оснований, потому что любая попытка поиска оснований – это попытка утвердиться, устояться, стать самим собой. В противоположность тому, чего хотел создатель этой фразы.

В.А. Бойко. Философия – это не данность. Философия – это возможность обретения перспективы человеком и обществом. И когда мы говорим о философии с этой точки зрения, то очевидно, что перспектива обретается в конкретной ситуации. Ситуация меняется, и мы иначе относимся к философии. Обращаясь к различным этапам становления философского знания, мы сталкиваемся с многообразием возможностей и перспектив «вовлеченности в бытие». Для современного мира характерно мощнейшее развитие средств связи, коммуникации, взаимодействия социальных общностей разного порядка. И в этом контексте сегодня шлифуется философия. Соответственно, в будущем нам предстоит столкнуться с иным, возможно принципиально отличающимся от нынешнего, положением дел. Философия, возможно, будет по-прежнему называться «философией», но мы должны быть готовы к тому, что окажемся в ситуации, когда «философствовать» будет означать вовсе не то, что привычно для нас сейчас, в конце XX – начале XIX века. Невозможно предсказать, как изменится ситуация в мире и философии, но философ должен проявлять чуткость к тому, что происходит сейчас, здесь и теперь, и он должен мыслить, говорить, исходя из перспективы становления того, что есть сейчас, здесь и теперь. Вчерашний день, факт существования в прошлом блестящих мыслителей, не может не радовать, но философская мысль определяется не тем, что было, а тем, что с необходимостью должно быть, не может не быть. Что же касается способов предъявления философии, то, на мой взгляд, это, прежде всего, вопрос профессиональной этики философа.

Н.А. Чубыкина. Я совсем не философ, даже не гуманитарий по образованию, но могу поделиться опытом познания философской материи, потому что, как все, заканчивала университет. И там было два вида материализма: один диалектический, другой исторический. И по экспоненте падал интерес у студентов от умных Декартов к правильным, гениальным Марксам. Совсем они теряли интерес к философии к тому моменту, как она по замыслу приобретала социальное звучание и должна была вдохновлять своей социальной значимостью. И не было, не припомню никаких специальных средств предъявления в виде картинок и слайдов, не было кружков единомышленников, а была «простая профессорская философия». Сомневаюсь, что «диамат» проигрывал без иллюстраций, а «истмат» от них бы выиграл.

Я бы выделила из сегодняшних высказываний три, о которых хочется упомянуть, по разным причинам. Первое – вопрос: а что будет, если завтра совсем отменить философию? Во-первых, это было бы существенной потерей лично для меня. Это к вопросу о том, как действует на студентов философия, о необходимости социально-психологических исследований. Наличие диамата в нашей программе позволило подумать о таких вещах, которые иначе даже не пришли бы в голову, хотя знаний по философии отложилось мало, а читать Гегеля и Спинозу почти никто не начал. Во-вторых, это связано с тем, о чем говорил Юрий Перфильевич, о том, что философия выбирает лидеров – и выявляет, и привлекает. Действительно, она их выбирает, если уж я об университетском опыте. Вокруг философских интересов скла-

дывался такой кружок интеллектуально относительно независимых людей, которые и в дальнейшей жизни сохраняли свой стержень, хотя философия не стала их занятием. Правда, их было мало и тогда, поэтому тезис о том, что философия теряет свою привлекательность в массах студентов, подтвердить не могу. Так вот, если бы философию отменили, упомянутые лидеры изобретали бы её заново. Стремление к основаниям, наверное, соответствует внутренней сути таких людей. Хотя многие современные трехдневные курсы обещают воспитать из нас лидеров, я думаю, что лидеров нельзя воспитать, они встречаются не намного чаще, чем философы. Поэтому философия, мне кажется, не может быть массовой, ни как увлечение, ни, тем более, как род занятий.

О.Г. Сосунов. Вопрос стоит о способах предъявления? Мне кажется, наиболее эффективный способ предъявления философии сегодня – это интернет. Если философию мыслить, скажем, как методологию поиска ответа на самые жизненные вопросы: что такое жизнь, что первично – материя или сознание и так далее, что волнует не только философов, но и простых смертных, то мне кажется, было бы целесообразно создание тематических сайтов, на которых не стеснялись бы выступать маститые философы и высказывать свое мнение. Мне кажется, тогда общий уровень бы стал существенно выше.

В.М. Фигуровская. Я бы вообще разделила два таких момента. Первый, философию, как тип знания, как способ освоения делает философское сообщество. Оно работает как относительно замкнутый круг профессионалов и предъявляет результаты своей деятельности в текстах.

При этом в количественном отношении таких текстов становится все больше, а вот качественных прорывов, как бы там ни ссылались на западную философию, я не вижу. Потому что идет разработка, интерпретация уже каких-то существующих проблем, каких-то вопросов; количественный рост рассуждений имеет место, а что касается качественных результатов, они по-прежнему в основном продолжают в русле уже сформировавшихся направлений и течений. Юрий Перфильевич говорит о том, что философия ищет лидеров, предъявляет лидеров, но здесь есть и обратная сторона: исчезло у философии стремление постичь вечные ценности, предельные основания, в общем, добраться до того, что называют Истиной с большой буквы. А идет некая игра в бисер, когда каждый из философов пытается себя реализовать, а вовсе не стремится приблизиться к онтологическим основаниям.

Что же касается другого способа предъявления философии миру, он заключается в преподавании философии. Эти самые профессора несут в аудитории то, что философия накопила, как некий интеллектуальный багаж. И прежде всего от самого преподавателя зависит, кого он считает нужным преподавать и в каком разрезе. А что касается всех остальных, кого преподаватель не любит, он либо отпихивает в угол, в корзину, либо сообщает своё критическое отношение к этому, чаще всего не подтвержденное действительными исследованиями. И при этом студентам навязывается та картина, которую преподаватель имеет. А студенты этого не понимают, потому что язык становится все более формализованным, студентам не интересным. Отсюда инте-

рес к философии в массе своей падает. Я не говорю о преподавателях, которые умеют разжечь аудиторию, но в массе своей интерес к философии у студенческой аудитории падает.

Ю.П. Ивонин. Ну, вот очень бы хотелось согласиться с Владимиром Анатольевичем Бойко, который совершенно правильно, на мой взгляд, сказал, что философия – это акт. Вопрос только в том, в каком смысле мы понимаем слово акт. На мой взгляд, уместно классическое понимание: акт, как состоявшееся. В этом смысле, если философия акт, она не нуждается ни в каком предъявлении, потому что предъявление – это объективация. То есть действует общий закон: любая объективация искажает, поэтому всякие последующие способы предъявления кроме самопредъявления уже являются какими-то искажениями, извращениями. При этом чем более извращенно философия преподносится, тем больше она имеет влияния. Пример можно привести простейший. Вся современная политическая теория и практика выросла из локковской книги «Два трактата о правлении», в которой локковская философия выражена достаточно маргинальным образом. И не вся она там подобрана, это не весь Локк. Как когда-то сказал Бердяев, смешно думать, что массы в России или Германии проникнуты идеями Маркса или Гобино. Поэтому самопредъявление – это единственное близкое к адекватному существование философии.

Второй вариант, который заслуживает внимания, на который сейчас не обращают внимания: философия как некоторый поступок. Когда Эпиктета палкой бил его хозяин, Эпиктет произнес знаменитую фразу, которая пошла гулять по миру

усилиями тогдашних папарацци. Как известно, Эпиктет сказал: «Хозяин, не бей меня сильно, ты нанесешь ущерб собственному имуществу». В этом вся философия стоиков. Вся философия стоиков воплощена в этой идее устойчивости, в этой невозмутимости. С другой стороны, нельзя сказать, что любая философия может быть выражена как поступок или как акт действия. Здесь уместно вспомнить Спинозу, который, указывая своим ехидным пальчиком на Эмпедокла, сказал, что мученичество – не аргумент. Конечное не может вместить бесконечное.

В.В. Крюков. А Сократ? Чаша яда и бессмертие.

Ю.П. Ивонин. Идея Сократа гораздо больше, чем идея бессмертия. А стандартный способ предъявления философии, в котором соединяются в какой-то пропорции правильное и неправильное бытийствование философии, это действительно текст, о чем разумно сказала Валентина Михайловна. Опять же, какой текст. Философия действительно существует прежде всего как текст рефлексии над теорией. Демаркация философии и псевдофилософии есть там, где философ размышляет все-таки над теорией, а не над какими-то другими мыслительными образованиями. Теперь о третьем варианте предъявления и существования философии. Самое известное, самое устойчивое, и удачливое воплощение философии в её псевдоформах – это идеология, как бы брезгливо ни морщила свой носик философия по поводу «некритичности» идеологии и ни открепивалась от этого родства. Есть, конечно, какие-то ответвления, боковые линии, где философские тезисы воплощаются в художественных образах. Потому я думаю, что фило-

софия, прежде всего в рамках объективации, существует как теоретизированный текст, как сакральный текст особого рода. Здесь разум поклоняется самому себе, сам себе божество, люциферит по мере сил, поскольку идеал теории – прозрачность, абсолютная проговоренность и достигнутость.

Г.А. Антипов. Кто-то из социалистов, не помню кто, сказал так: хочешь быть философом – пиши романы. Ну, они и действительно писали и романы, пьесы, как известно, и так далее. А я хочу сказать, что место, статус философии в культуре очень похож на место поэзии. Поэтому спросить, что было бы, если бы исчезла философия завтра, то также можно было бы спросить, а что стало бы, если бы исчезла бы поэзия завтра. И как философов, я имею в виду аутентичных, мало, их не больше, чем хороших поэтов. Или хороших романистов типа Толстого. Валентина Михайловна говорила, что сейчас вроде истощилась философия, нет великих системосозерцателей, но также можно сказать о литературе, поэзии и так далее. Где наши Бродские, Пастернаки, их нет, а те далече.

Я хочу сказать, что способ предъявления философом самого себя, я согласен, это самовыражение, это выражение того видения, то есть его конечных оснований в той форме, как я их вижу. Я могу это выразить в поэтическом тексте, как делали древние, могу в художественном. Как угодно. Могу в сухом, по типу гегелевского трактата. Это уже сути дела не меняет. Я хочу сказать, что философия вещь ведь элитарная очень. Имеет мало творцов, Фихте где-то сказал «Я едва ли найду полудюжины людей, понимающих, что такое философия». Я думаю, и сейчас их не больше, чем пол-

двоиной. Это вещь элитарная, но также как, скажем, теоретическая физика вещь элитарная – это для физиков. Что касается современной жизни философской традиции, то вся эта компьютерная технология имеет как плюсы, как здесь уже говорили, так и минусы. В общем, с одной стороны, компьютерная коммуникация убивает вкус к мышлению и так далее, с другой стороны, для настоящей философии это огромные перспективы. Я могу не идти в библиотеку, не идти в магазин, тратить свою скромную профессорскую зарплату. Вот тебе весь Аристотель! Но я думаю, каких-то особых изменений в предъявлении философии не произошло, она также предъявляет себя, как во все времена и, может быть, даже эффективнее во всех отношениях и лучше. Но есть тут один нюанс, который надо иметь в виду, говоря обо всём этом: что традиция философская, ее передача – это дело достаточно всё-таки интимное, на уровне живого диалога всегда происходит и в меньшей степени это можно опосредовать, даже книги, даже читаемые книги. Это всегда пир.

– Философия – это заражение.

– Заражение!

Н.С. Розов. У меня есть пара предварительных соображений о нашем собрании. Очень все это интересно было слушать. Такое впечатление, что социологической невинности очень много, прежде всего, относительно взгляда на философию, на интеллектуальное сообщество, как это всё происходит. Здесь говорилось о том, что является рефлексией над самой философией – вот есть прекрасная книга Коллинза «Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения», которую мы перевели. Это рефлексия социолога над интеллектуальными сетями,

живущими на протяжении большого исторического времени. С идеями книги можно соглашаться или не соглашаться, но множество традиций там были рассмотрены. Взгляд очень свежий и для нашей философской традиции необычный. Не познакомившись с книгой Коллинза, говорить в целом о философии, по-моему, как-то не очень правильно. Я бы очень рекомендовал всем уважаемым коллегам книгу Коллинза посмотреть. Тогда совсем будет другой, поверьте мне, уровень обсуждения. Георгий Александрович Антипов вот только что говорил, что живая философия – это лицом к лицу, живое обсуждение. Вся первая глава «Социологии философий» посвящена теории интерактивных ритуалов, в том числе интеллектуальных ритуалов. И то, что у нас сейчас происходит, – это особый интеллектуальный ритуал. Чтение и написание текстов – это также ритуалы, готовые к последующим ритуалам интеллектуальной коммуникации. Каждое обсуждение идей – это также ритуал. То есть очень много у Коллинза раскрыто любопытного про нашу жизнь, о чем мы, как правило, не задумываемся. Это теперь обязательная книга для всех, кто интересуется философией.

Второй момент, может быть, затравка к следующей дискуссии, таков. В чём причина того, что так резко упал интерес к философам и к философии? У меня есть гипотеза. Коротко говоря, она заключается в том, что *никто сейчас не обязан никакому философу верить*. Уже давно осознано, что философских точек зрения огромное количество. Появится ещё одна, две, двести. Ну и что? То есть собственных оснований, почему вот именно данной философской доктрине нужно верить, у философов нет. Как их получить – это большой, философ-

ский, кстати, вопрос, над которым надо подумать.

Теперь про предъявления. Что касается слайдов, кинофильмов и прочего, это всё важно, нужно, интересно, можно рисовать на песке, можно мелом на доске, что-то более эффективно, что-то менее, что-то может отвлекать от основной темы. В общем, мне кажется, это вещи технические, и это большого влияния на содержание не оказывает. Какую-то педагогическую роль играет, иногда позитивную, иногда негативную.

Что действительно сейчас произошло серьезного – это конечно же не столько компьютер, сколько Интернет, его влияние на коммуникации, в том числе на интеллектуальное общение. На состояние тех самых интеллектуальных сетей, о которых писал Коллинз. И здесь, с одной стороны, Интернет – это конечно же чрезвычайно мощный усилитель, причем в самых разных интеллектуальных ритуалах. Например, есть международные сообщества, которые много лет занимаются «медленным чтением», например, того же Гегеля или Платона. Здесь одну страницу или даже один абзац читают недели. Люди из двадцати, из тридцати стран читают один абзац и его обсуждают. Это потрясающе, это никак не отвлекает от философии, а делает чтение очень живым, интересным.

Это я сказал про Интернет «в плюс». Что можно сказать «в минус»? Появился огромный потенциал возможностей, когда можно прочесть и то, и то, и это, войти и в тот форум, и в другой, и в третий. Все это приводит к *утере фокуса внимания*. По Коллинзу, те самые интеллектуальные прорывы, которых нам не хватает, появляются только там и тогда, когда *есть фокус внимания*, когда есть мощный эмоциональный центр (а лучше – несколько взаимодействующих

и конкурирующих центров), и в мире знают, что вот там происходит самое главное. То, что было в Венском кружке, что было в ранних германских университетах. Интеллектуальный центр — это место, куда съезжаются паломники, где идут бурные споры, где возникают мощные драматические эмоции. Там и пишутся прорывные философские труды, задающие на десятилетия вперед траектории развития мышления. Что-то произошло, конечно, с появлением Интернета, такой мощной системы связей и коммуникаций, когда появилось огромное количество центров, и никто не знает, где сейчас самый главный центр. В этой ситуации, когда публикуются, выставляются в сети сотни книг, тысячи статей, не знаешь, что читать, на что направить внимание. Наверное, это может привести к тому, что период стагнации философии, о котором сегодня говорили, может продолжиться и дальше. Но ничего не бывает навечно, когда-то произойдет новый подъем философии. Каковы условия расцвета философского мышления, можно ли их формировать? — вот значимые вопросы для обсуждения.

А.А. Штуден. Олег Альбертович, прозвучало пожелание привлечь в русло нашего обсуждения музыку, но это почему-то не получило продолжения. Способы предъявления философии, по-моему, наиболее эффективны как раз в искусстве, потому что здесь философия не ограничивается собственным аппаратом, она не ограничивается специфическими способами рефлексии, которые всё-таки годятся не для всех. Мне в этом контексте вспоминается, может быть, Бах, может быть, поздний Бетховен, разумеется, Вагнер, из наших – Скрябин... Потрясающее ощущение возникает, если внимательно послушать последнюю часть

32 сонаты Бетховена! Вот философский трактат, на самом деле, только вырасти надо до того, чтобы его воспринять. Но, если уж мы говорим об основаниях бытия, они как раз связаны с аксиологией. Другого я себе не представляю. И когда совсем недавно я услышал, в конце месяца будет какой-то там форум в Храме Христа Спасителя, собор какой-то, на который, оказывается, пригласили – кого бы вы думали? – Ксению Собчак, я это воспринял просто как плевок в лицо. Это даже не торговцы в храме. Это уже сутенёры! Вот тут-то как раз стало ясно, что потеря почвы в современном мире, потеря этической нравственной почвы, она – катастрофична, то есть она распространяется куда дальше и глубже, чем просто на обывательском уровне. И поэтому мне кажется, что если уж современная философия могла бы претендовать на то, чтобы хоть как-то оправдать своё существование, – она должна помочь нам всем восстановить этические, духовные, нравственные основы человеческого бытия.

К.М. Курленя. До музыки добрались, да? Я начну с того, что по преданию Сократа в последние дни его жизни во сне посетила Муза и настоятельно рекомендовала ему: «Сократ, займись музыкой!» В этом призыве есть одна вещь, которую кратко можно обозначить так: музыку можно определять и воспринимать по-разному, но среди всех ее толкований есть одно, имеющее больше остальных прав на существование, а именно: музыка рассматривается как вид духовной практики, в которой философская идея способна к такому самопроявлению, которое в текстуальной форме всегда остается либо вовсе несказуемым, либо трудно формализуемым, либо неуловимым. В общем-то, в этом ничего нового нет. Давайте вспомним хотя бы Ференца

Листа, который, когда его спросили, «Кем Вы себя считаете?» ответил примерно так: «Я – музыкант-философ, родившийся на Парнасе». Ну и, соответственно, все смыслы и ценности своей философии он реализовывал и предъявлял через композиторскую деятельность. На самом деле, это достаточно традиционная вещь, для музыковедения всегда было очевидно, что самопроявление философии может быть выражено не только текстуально, но и интонационно, художественно.

Ну а что касается всяческих педагогических приемов, связанных не с самопроявлением философской идеи, а с ее учебным преподнесением, слайдпроекторы и прочее – я думаю, что эти вещи случайно попали в поле нашего зрения.

С.П. Исаков. Мне кажется, способы предъявления философии в новом веке заметно не изменились. По-прежнему доминирует профессорская, преподавательская философия: учебные планы, часы, научные степени, статьи в профессиональных журналах, как вершина – монографии. Находясь в этой среде, человек, занимающийся философией, вынужден писать таким языком и на такие темы, что его способен воспринимать всё более узкий круг людей. Это всё более становится варением в собственном супе, когда специалист пишет для специалистов, причем и этим-то специалистам чужие писания все менее интересны! Никакого влияния на духовную жизнь народа они не оказывают, да и не могут оказывать – философы просто другим заняты! Не знаю, конечно, может быть, в мире это не так.

О.А. Донских. Нет, например, аналитическая философия в таких же формах существует. Вот на Западе очень много направлений, которые точно так же себя

предъявляют, в традиции – философские журналы, статьи.

С.П. Исаков. И вот такое предъявление философии уже сейчас зашло в тупик. И в дальнейшем, мне кажется, такая «статусная» философия будет вырождаться и постепенно будет обществом отброшена на обочину жизни – как ушли в узкие ниши теология, геральдика и т.п. Философия как живое размышление, как поиски смысла, как желание объяснить какие-то вещи себе и другим к этому никакого отношения не имеет. Если философы хотят выполнять реальную социальную функцию, быть социально значимыми для себя и для других, они внутренне *обязаны* «идти к людям». И ведь эта традиция Учительства, Культуртрегерства всегда была востребована в России, так что даже советская монополия на идеологию не смогла ее пресечь.

И вот как раз сейчас Интернет даёт ту самую свободу, которую раньше мы себе не представляли. Традиционно философская мысль жила или в форме живой беседы, или в форме текста. Но беседа вынужденно сужает круг общения до нескольких человек; публикация же текстов – мало того что достаточно дорогой и длительный процесс, но и так или иначе связана с цензурой, не важно, идеологической или, скажем так, профессиональной. Интернет позволяет снять эти ограничения, довести свою мысль до тех, кому она интересна, быстро и предельно широко, и бесплатно.

– Тут обнаружится, что и мысли-то никакой нет.

– Это другой вопрос. Но сообщество быстро отделит овец от козлищ.

– Окунуться в тот бред, который...

– А вот тут важнейшая роль принадлежит библиотекарям. Библиотекарь может быть, в другом каком-то наименовании,

не важно, не просто выдает книги и учит пользоваться каталогом. Главная социальная функция Библиотекаря – экспертная и рекомендательная: помочь найти в бескрайнем море макулатуры и графоманского бреда жемчужины мысли, которые иначе просто пропадут втуне. Это не менее важно, чем само генерирование смыслов; собственно, *это и есть предъявление*, и, на мой взгляд, с ним философия сегодня справляется как бы не хуже, чем с поисками Истины и осмыслением реальности.

О.А. Донских. Я, когда думал об этом круглом столе, у меня были разные ... Для меня, по внутреннему напряжению, он был тяжелее, чем все, которые были до этого, потому что, действительно, в философии есть ряд парадоксов, которые неизбежно сидят в сознании, о которых так или иначе думаешь. Действительно, вы правы, что философия предъявляет себя как наука и обязана предъявлять себя как наука. И в то же время она в большинстве случаев себя наукой не считает. Ну, и есть ряд других вещей. Социальное значение и тот вопрос, на который вышли, он меня так или иначе беспокоит. Допустим, наука думает о своей социальной функции или не думает? Да не особенно думает она, просто интересно, и она этим занимается. С другой стороны, пафос фильма, который я уже вспоминал сегодня, «Девять дней одного года», он как раз и состоит в том, что человек осознает социальную функцию науки: человечеству нужна энергия, и я готов умереть за это. Это парадоксальная идея, но, с другой стороны, вот такой свободный мыслитель просто размышляет. Причем размышляет на таком уровне, что его размышления *в принципе* не могут стать элементом общественного сознания. Свести его на уровень массового сознания просто невозможно. Эти вещи

достаточно трудные, но я считаю, в любом случае, и для меня это обсуждение было очень интересно, в ряде аспектов были важные суждения. Хочу сказать, что я благодарен всем, кто пришёл сегодня. Я считаю очень важным встречаться обсуждать это.

Как обычно, вопросы были предложены также для заочной формы участия. На этот раз, поскольку не удалось рассмотреть весь круг вопросов на встрече, своё видение постарались более полно представить и некоторые участники круглого стола.

В.А. Лекторский, академик РАН, член редакционного совета журнала

Философия как понимание и трансформирование

Философия всегда задавала вопрос о себе самой. По-видимому, это одна из её особенностей, отличающих её от других теоретических дисциплин. Сегодня этот вопрос стоит особенно остро, при этом он оказывается связанным не только с переосмыслением характера и роли философии в современной культуре, но и с новым пониманием человека, и культуры в целом. Попробую в какой-то степени обосновать этот тезис, хотя сделать это детально в этом докладе невозможно.

За две тысячи лет менялись и философия, и культура, и место философии в культуре. Понимание рациональности и стандартов рассуждения, природы философии, сферы её компетенции и характера её проблем, способов философствования – всё это претерпевало многочисленные изменения. Сегодня философия не может оставаться такой же, как в прошлом. Однако возможно показать, что при всех происходивших с ней радикальных переменах

философия всегда играла специфическую роль: быть средством понимания и трансформирования, изменения культуры и человека. При этом понимание и изменение, осмысление того, что есть, и построение («конструирование») чего-то нового оказываются взаимосвязаны. Эта роль философии не только не исчезает в современной культуре, но, по моему мнению, становится даже более очевидной, чем раньше, и вместе с тем осуществляется в новых формах. Я попробую показать это.

1. Философия всегда относилась к высокой культуре. Она интересовала профессионалов как предмет исследований, а также небольшую группу хорошо образованных людей как способ самовоспитания, как стимул для размышлений о человеке и мире. В Средние века она стала использоваться при рациональной формулировке и разъяснении теологических утверждений, а после 17 столетия – для критического осмысления оснований естественных и дедуктивных наук. В любом случае философия как выражение мышления на высочайшем уровне абстракции была весьма далека от интересов огромного большинства людей, чья картина мира и самих себя вырабатывалась на основе здравого смысла, а также тех способов понимания, которые задаются той или иной культурой.

Можно полагать, что сегодня эта ситуация меняется, так как согласно мнению многих специалистов современная цивилизация вступает в стадию «общества знания», в котором наука начинает играть новую роль. Она создаёт такого рода технологию (прежде всего информационную), которая влияет на экономику (появляется так называемая «экономика знания») и вместе с тем трансформирует обычный «жизненный мир». Но если философия тесно связана

с наукой, как это было, по крайней мере, в течение последних трёхсот лет, и если сегодня наука вместе с технологией (новый комплекс, называемый «технонаукой») трансформирует сам «жизненный мир», то можно думать, что философия должна становиться всё более интересной для обычного человека, а не только для небольшой группы «высоколобых».

Однако в действительности ситуация не столь проста. Когда говорят об «обществе знания», в виду имеется прежде всего так называемое «полезное знание», т.е. знание, которое может быть технологически использовано. Конечно, фундаментальная наука не исчезает и исчезнуть не может. Но в целом общество становится всё более прагматически ориентированным. Интерес к культуре в её высших проявлениях, включающих не только философию, но также фундаментальную науку, высокую музыку, искусство, литературу, падает. Естественно полагать, что в подобной ситуации философия как специфический тип абстрактного мышления не может играть важной культурной роли. Многие философы реагируют на эту ситуацию, выдвигая идеи о «конце философии», о её растворении в других областях культурной и общественной жизни: фундаментальных науках, истории идей, литературной критике, политике и др. В России 15–20 лет тому назад было немало выступлений против преподавания философии в высшей школе и замены её в этом качестве теологией или культурологией. Конечно, эти предложения были в значительной степени стимулированы тем фактом, что до 90-х гг. прошлого столетия философия, преподававшаяся в российских университетах, была догматически интерпретированным марксизмом и служила прежде всего средством идеоло-

гической индоктринации. Однако нужно иметь в виду, что атаки против философии обосновывались также утверждением, что философия вообще устарела. Сегодня выступлений против преподавания философии стало меньше (хотя полностью они не исчезли). Но вопрос о роли философии в современной культуре остаётся. Я попробую показать, что эта роль не только не исчезает, но в некотором смысле возрастает, что философия в ряде отношений становится более «практичной» и интересной для большего числа людей, чем это было в прошлом.

2. До тех пор пока существует человек, он не может не пытаться понять окружающий мир и самого себя. Это необходимое условие человеческой жизни, деятельности и коммуникации. Это понимание обеспечивается здравым смыслом, а также ресурсами обыденного языка и определённой культуры. При этом важно подчеркнуть, что язык и культура – это не просто способы само-понимания человека. Иногда культура противопоставляется науке на том основании, что первая имеет дело с самосознанием человека, а последняя – с познанием внешнего мира. В действительности самосознание возможно только путём вписывания человека в то, что выходит за его пределы: внешний мир и мир других людей. Поэтому как культура, так и наука (неотъемлемая часть культуры) – это одновременно способы осмысления мира и человека. Можно сказать, что философия – самосознание культуры. Это совершенно верно, только нужно при этом иметь в виду, что философия с самого начала возникает как критика тех способов понимания мира и человека, которые задаются здравым смыслом и определённой культурой. Философия возникает как предложение

нового образа мира и человека. Конечно, философия сама есть часть культуры, и к тому же для того, чтобы предложить нечто новое, она должна осознать то, что есть, т.е. должна рефлексировать над существующей культурой. При этом критическая установка философии не обязательно распространяется на всё, что есть в культуре. Как и то культурные образования философия оправдывает и легитимизирует. Но важно подчеркнуть, что в любом случае философия – это такая часть культуры, которая как бы «извне» относится к существующей культуре, пытается в некотором смысле выйти за её пределы и за пределы культуры вообще («трансцендирует культуру»), делает её предметом критической рефлексии и предлагает способы трансформации, изменения некоторых её компонентов. Философия – это такая часть культуры, которая выражает её динамизм, возможность изменения. При этом решаемая философией задача на понимание того, что есть, тоже оказывается непростой. Ибо тот мир, в котором живёт человек, оказывается не монолитным, а многослойным. Можно даже сказать, что это несколько миров: обычный «жизненный мир», мир субъективных переживаний и мир, полагаемый специализированным размышлением: сначала самой философией, а затем наряду с ней научным знанием. Отношения между этими «мирами» не просты. Иногда представляется, что они просто исключают друг друга. Философия пытается найти связи между этими мирами и построить между ними мосты. Не существует изначально данного способа понимания этих связей. Поэтому философы предлагают разные концепции такого рода, которые вступают в полемические отношения друг с другом. При этом оказывается, что философское понимание существую-

щего мира (или существующих «миров») и человека в отношении к миру всегда связано с построением новых культурных практик. То в философии, что преподносится как анализ (структур рассуждения, языка и т.д.) или даже простое описание (природной реальности, феноменов сознания и т.д.) в действительности является не только схватыванием чего-то существующего, но одновременно скрытым предписанием, рекомендацией определённых действий. Поэтому философия имеет важную нормативную составляющую, которая задаёт будущие состояния, проектирует культурную и человеческую реальность. Это может быть связано с заданием некоторого идеала, который сам по себе недостижим, но определяет некую программу действий (представление о реализации этого идеала можно считать утопией, а связанные с этим философские построения – утопическим измерением философии). Но это может быть и такое нормотворчество, которое определяет текущие способы мышления и действия; формулирование правил рассуждения, способов объяснения, норм жизни и т.д. Таким образом, то, что представляется постижением того, что есть, оказывается в действительности скрытым предписанием. В свою очередь формулирование норм, правил интеллектуальной и культурной деятельности, построение проектов опирается на выявление возможностей в том, что существует реально. Постигание, понимание и изменение, трансформирование оказываются двумя сторонами единой деятельности. Попробую пояснить свою мысль некоторыми примерами.

3. В древней Греции философия была критикой общепринятых мнений. Недавно противопоставление знания и мнения – одна из основных тем этой философии.

Как согласовать понятия и аксиомы новой науки геометрии и прото-научные идеи Демокрита об атомах и пустоте с миром здравого смысла? Демокрит, Платон и Аристотель давали разные ответы на этот вопрос и разрабатывали различные философско-научные исследовательские программы, которые конкурировали друг с другом в течение столетий. Возникновение этих программ означало появление новых культурных практик, которые трансформировали существовавшую культуру. Однако эти программы при всех их различиях разделяли одну общую установку: эксперимент не может дать знания подлинной реальности, так как техническая деятельность и получение артефактов (как это имеет место в эксперименте) несовместимы с получением знания. Таким образом, философия продуцировала и оправдывала интеллектуальную практику определённого рода и запрещала иного характера практику. Философы разрабатывали рекомендации для жизни в соответствии с некоторыми моральными принципами (которые координировали с представлениями о мире) и порождали новые практики «философской жизни»: стоический мудрец, гедонист-эпикурец, киник и др.

В 17 веке философия играла особую роль в интеллектуальной революции и рождении новой экспериментальной науки. Это предполагало новое понимание реальности, в частности, снятие принципиального различия между естественными и искусственными процессами, между познанием и практическим изменением, новое понимание отношения между познанием и технической деятельностью. Возникшее экспериментальное естествознание стало возможным в качестве синтеза двух разных философско-научных программ: Аристотеля и Платона. Создатели новой науки были людьми, соединявши-

ми таланты философов и учёных: Бэкон, Галилей, Декарт.

Новый научный образ природы оказался в глубокой оппозиции к миру здравого смысла, чего нельзя было сказать о перипатетической физике, которая господствовала в представлениях о природе в течение многих столетий и была основана на идеях Аристотеля. Задача соотношения представления о реальности, порождённого наукой, с обычным «жизненным миром» стала философской проблемой. Разные философы по-разному решали эту задачу. Не случайно, что в это время проблема взаимоотношения опыта и рационального мышления становится одной из остро дебатированных. Разные представления об этом взаимоотношении означали разное понимание статуса и смысла научных теоретических понятий и в результате вели к разным методологическим рекомендациям. Например, Беркли пытался показать, что если эпистемологический эмпиризм прав, то некоторые принципиальные представления ньютоновской классической механики несостоятельны. Лишь в начале 20 века, когда Э. Мах возродил идеи Беркли, они были использованы для критики ньютоновского понимания пространства и времени и повлияли на А. Эйнштейна при создании им специальной теории относительности.

Согласно эмпиризму чувственный опыт лежит в основе всей системы знания. Философы, разделявшие установку эмпиризма, пытались детально описать структуру и содержание опыта. В результате рефлексивного анализа познания и сознания они выделили элементарные единицы опыта – ощущения. Исследование ощущений и их взаимоотношений – ассоциаций было доминировавшей исследовательской программой эмпирической (а затем экспериментальной)

психологии в течение двух последующих столетий. Но в 20 веке выяснилось, что ощущения не являются элементарной единицей, «кирпичиком» для построения чувственного опыта. Сегодня ясно, что идея ощущений была не столько результатом рефлексивного анализа, сколько способом обоснования сенсуалистской эпистемологической программы, которая использовалась для оценки разных типов знания, включая научное, для продуцирования определённых научных практик и запрещения других. То, что выглядит как описание, является на деле скрытым предписанием.

Исследование структуры и способов функционирования рассудка и разума (выявление «трансцендентальных условий возможности знания»), предпринятое Кантом, имело мощный нормативный смысл: некоторые способы мыслительной деятельности были легитимизированы (классическая механика), а другие запрещены: метафизика в её классическом понимании, психология как теоретическая наука.

4. Современная философия избавилась от многих иллюзий философии прошлой, в частности, она сознаёт, что не может более быть окончательным арбитром в тех спорах, которые имеют место в разных сферах культуры, в том числе в науке, что она не может рекомендовать некоторые интеллектуальные и культурные практики в качестве единственно оправданных. Сегодня ясно, что не существует окончательного решения философской проблемы (если она действительно философская, а не научная, замаскированная под философскую), найти единственный «подлинный метод» философствования. Означает ли это, что философия потеряла культурный смысл? Я так не думаю.

Понимание человека в его отношении к миру останется проблемой до тех пор, пока человек существует. Эта проблема постоянно возобновляется, так как меняется тот мир, в котором человек живёт (точнее, «миры», которые меняются, в том числе под влиянием развития науки и техники, и отношения между которыми становятся всё более сложными). Меняется сам человек и его само-понимание. Верно, что философские проблемы (природа реальности, сознания, истины, разума и т.д.) выглядят вечными и обсуждаются в течение двух тысячелетий, не приводя к общепринятым решениям. Однако важно иметь в виду, что вечные философские проблемы – это в действительности лишь некоторые концептуальные рамки, которые вечны постольку, поскольку существует человек, задумывающийся о себе. Эти общие философские проблемы наполняются содержанием в конкретной культурной и исторической ситуации, в определенном контексте, и именно в этой конкретной спецификации и обсуждаются. Так, например, проблема души у Аристотеля, проблема «Я» как центра сознания у Декарта и проблема нарративной самости принадлежат к одной и той же концептуальной рамке, но по-разному формулируются, по-разному понимаются и по-разному обсуждаются, так как существуют в разных интеллектуальных и культурных контекстах. Если мы имеем дело с философской проблемой, сформулированной в определенном контексте, мы можем сравнивать подходы, предлагаемые для её решения, с точки зрения выдвигаемых аргументов и в связи с оценкой перспективности интеллектуальной и культурной практики, порождаемой тем или иным решением. В результате определённое решение может оказаться лучше других, может быть приня-

то, если не всеми, то многими участниками обсуждения, и способно породить новую интеллектуальную и культурную практику, меняющую исходную ситуацию, порождающую новый образ человека и реальности. Однако в иной ситуации эта проблема возникнет снова, но уже в другой форме.

В своё время была популярна (особенно у логических позитивистов и других представителей аналитической философии) идея о том, что философия имеет дело с псевдопроблемами, от которых настоящий исследователь должен избавиться. Сегодня иногда высказывается точка зрения, согласно которой философские проблемы важны, но неразрешимы, и поэтому их обсуждение ни к чему не приводит. Мне приходилось слышать мнение одного естествоиспытателя о том, что философия слишком несерьёзна для того, чтобы заниматься ею в рабочее время, и слишком трудна, чтобы посвящать ей часы досуга.

Верно, что философия не может предложить таких интерпретаций, которые потом не были бы интерпретированы по-новому, и не даёт таких решений, которые не были бы впоследствии перерешаемы. Но можно ли считать это «несерьёзностью»? Дело в том, что решения в науке (которые в этом рассуждении принимаются за эталон серьёзности) возможны постольку, поскольку исходят из принимаемой парадигмы, картины мира и ряда других допущений, которые всеми исследователями, работающими в рамках данной парадигмы, считаются непререкаемыми и не обсуждаются. Философия обсуждает обоснованность самих оснований наших рассуждений и показывает возможность их иного понимания, а в ряде случаев – изменения. Иными словами, то, что преподносится как «несерьёзность» философии, в действительности выражает

динамизм и проективно-конструктивный характер человека и культуры. Именно в рамках этого динамизма и трансформации может быть понято то, что преподносится как эталон «серьёзного исследования».

Сегодня, когда техно-наука вторгается в «жизненный мир» человека и преобразует его и самого человека, когда привычные способы понимания мира в ряде случаев перестают работать, возникает ситуация дезориентации. Построение мостов между «жизненным миром», образом себя и миром, создаваемым современной технологией, становится практически значимым.

Многие специалисты считают, что развитие новых информационных технологий (телевидение, компьютер, Интернет и др.) и становление так называемого «электронного общества» делают человека менее свободным, создают новые возможности для манипулирования людьми и ограничивают человеческую автономию. Возникает феномен «виртуального Я», и некоторые люди начинают предпочитать обычной жизни жизнь в «киберпространстве». Границы между обычной реальностью и реальностью виртуальной в ряде случаев размываются. Сложность интеграции разных потоков информации в рамках единого сознания делает возможным феномен «размытой идентичности» или «поли-идентичности». В этой связи диахроническое и синхроническое единство сознания оказывается под угрозой.

Совсем недавно – в связи с крушением социализма на территории нашей страны – казалось, что время утопических проектов закончилось. Во многих публикациях, не только публицистических, но и научных и даже философских, марксистскому утопизму противопоставлялось трезвое и реалистическое мышление как выражение духа современного общества, занятого

решением конкретных частных и процедурных задач, а не поиском путей осуществления «высокой цели». В действительности же утопизм – это неотъемлемый и важный компонент каждой динамически развивающейся культуры. Можно показать, что многие важные культурные завоевания – это побочный продукт попыток реализации утопических проектов. Как я отмечал ранее, построение утопий того или иного рода – важный компонент многих философских систем. Правда, сегодня не видно новых социальных утопий. Зато появилась и стала весьма популярной новая биотехнологическая утопия. Ряд учёных и философов разрабатывают проект трансформации человеческой телесности с помощью генетической инженерии и нанотехнологий и конструирования новых физических и психических характеристик человека. Некоторые из них даже думают о том, что можно серьёзно удлинить продолжительность человеческой жизни, а в перспективе сделать человека бессмертным. При этом признаётся, что в случае реализации этого проекта человек в привычном смысле слова исчезнет, а его место займёт некое суперчеловеческое или пост-человеческое существо. Возникло движение трансгуманистов, утверждающих, что смысл существования человечества состоит в создании условий для появления пост-людей. Это утопия, но, как в своё время заметил Н. Бердяев: «опасность утопии в том, что она может осуществиться».

Какова может быть роль философии в этой ситуации? Существует мнение о том, что сегодня философия должна превратиться в своеобразную «экспериментальную метафизику», которая разрабатывает концептуальные основания для искусственного конструирования новых «жизненных

миров» и новых человеческих существ, в том числе и тех, кого называют пост-людьми и которые не обязательно будут похожи на людей, существовавших до сих пор. В соответствии с этими взглядами главная функция философии и культуры в целом – это творчество как самоцель безотносительно к существующим моральным и другим ценностям и способам само-понимания.

Я считаю, что данная точка зрения на современную философию хорошо подчёркивает её роль в трансформации человека и культуры. И всё же я не могу её принять. Дело в том, что проективная и конструктивная роль философии имеет смысл постольку, поскольку речь идёт об изменениях в пределах именно человека, т.е. о таких, которые исходят из ценности человеческой индивидуальности, из идеи совершенствования человека, а не превращения его в пост-существо, т.е., по сути дела, в нелюдь. В частности, реализация идеи человеческого бессмертия, которой вдохновляются трансгуманисты, привела бы к тому, что все основные культурные ценности, предполагающие любовь, мужество, заботу (о детях, стариках, ближних), готовность к самопожертвованию и др. стали бы ненужными. Исчезновение смысла смерти привело бы к исчезновению смысла жизни. То, что выглядит как реализация вековой мечты – обретение бессмертия – привело бы по сути дела к самоубийству человечества. Пост-человек и стал бы таким убийцей. Роль философии в связи с обсуждаемыми проектами состоит в том, чтобы критически оценить приобретения и потери в случае их реализации (даже частичной), в том, чтобы выявить возможные угрозы для существования человека и его культуры в случае бездумного и ничем не ограниченного экспериментирования

с человеческим телом и мозгом. Философия может играть практическую роль в критической рефлексии над данной ситуацией и в оценке возможных путей трансформации человека.

5. Рефлексия всегда была отличительной особенностью философии. Ею пользовались ученые в тех случаях, когда они анализировали основания той или иной научной теории. Сегодня саморефлексия во всё большей степени становится потребностью обычного человека. Ибо человек, живущий в современном обществе, всё чаще сталкивается с необычными ситуациями, когда привычные способы мышления и действия перестают срабатывать и когда приходится принимать нестандартные решения, предполагающие способность к критическому, творческому и рефлексивному мышлению. Ряд специалистов в области теории и практики образования пришли к мнению о том, что лучший способ воспитания критической и творческой личности – это введение в практику обучения чего-то вроде философской дискуссии.

Это прежде всего разработанная Мэтью Липманом и другими учёными из США программа, которая называется «Философия для детей». Эта программа используется в практике обучения в течение двух десятков лет, как в самих США, так и во многих других странах (энтузиасты этой программы имеются и в России). Исходное положение М. Липмана состоит в том, что в школе необходимо обучать творческому мышлению и что лучше всего это сделать с помощью преподавания философии в течение многих лет, ибо именно философия в большей степени, чем какая-либо научная дисциплина, раскрепощает мышление, позволяет поставить под вопрос то, что обычно считается само собой разумеющимся.

При этом речь идёт не о преподавании философских концепций и изучении философских произведений, а о приобщении к философскому мышлению. Ученики с помощью специально написанных текстов вовлекаются в обсуждение проблем, не имеющих общепринятых решений. Между учениками возникает спор, нечто вроде сократического диалога, в ходе которого его участники ставят друг другу вопросы, отвечают на них, выдвигают аргументы против даваемых ответов, формулируют контраргументы, ставят новые вопросы и т.д. Класс учеников превращается в сообщество исследователей (это ключевое понятие для М. Липмана). В ходе такого диалога его участники приобретают умение не только рассуждать, приводить аргументы, но и находить аналогии, учитывать контекст, выдвигать гипотезы, предлагать нетривиальные решения. У них формируется как критическое, так и творческое мышление. Они учатся умению задавать такие вопросы, которые предполагают нетривиальные ответы. Вопросы участников диалога друг другу позволяют выявить такие предпосылки в рассуждении собеседника, которые не ясны ему самому.

В России также имеются попытки развития творческого мышления учеников с помощью внесения элементов исследования, в том числе философского, в сам процесс обучения. В частности, это программа так называемого развивающего обучения, разработанная российским теоретиком педагогической психологии В.В. Давыдовым. В ходе реализации этой программы была создана специальная методика, с помощью которой учитель осуществляет особую игру. Он надевает на себя маску ученика и демонстрирует непонимание тех или иных вопросов и ответов. Учитель спе-

циально ошибается и провоцирует ребёнка на ошибки и сомнения. Он показывает ребёнку возможность не понять вопрос, переспросить, уточнить, потребовать доказательств. Он создаёт «точки удивления» и условия развёртывания диалога между учениками. Ученик в таком классе сталкивается с существованием различных точек зрения и испытывает от этого определённый дискомфорт: существует не только моя точка зрения, представляющаяся мне самоочевидной, но и множество иных позиций (учитель, другие ученики). Ученик учится видеть позицию другого человека, оценивать её, оспаривать её, задавая другому вопросы, и таким образом начинает сознавать свою собственную позицию, уметь отличать её от чужой, отстаивать её, отвечать на обращенные к нему вопросы.

Так философия и философский способ мышления участвуют в формировании творческих личностей, которые в свою очередь влияют на изменение и развитие культуры.

6. Карл Маркс, как известно, упрекал всю предшествующую философию в том, что она только лишь объясняла мир, в то время, как дело состоит в его изменении. Этот упрек может быть понят как выражение горячего желания покончить с той ситуацией, в которой человек деградирует, так как отчуждён от самого себя. Маркс считал, что классическая философия служила только целям оправдания существующего дегуманизованного социального порядка, который делал невозможным развитие творческой человеческой личности. Иными словами, по Марксу, философия – это выражение отчуждения. Ликвидация отчуждения в ходе революционной практики означает с этой точки зрения также снятие философии.

Можно разделить марксову критику дегуманизованного общества и желание изменить ситуацию человеческой деградации. Однако в других отношениях упрек Маркса в адрес философии вряд ли оправдан.

Прежде всего, сама идея создания общества без всяких признаков отчуждения вряд ли реализуема. Во-вторых, человек будет испытывать потребность в философии как способе само-понимания до тех пор, пока он есть и не превратился в некое пост-человеческое существо. В-третьих, как я пытался показать, в философии понимание (объяснение) и изменение, трансформация всегда связаны друг с другом. Любая рефлексия всегда изменяет субъект рефлексии и мир, в той мере, в которой он выступает как объект рефлексии. При этом философская рефлексия всегда связана с критикой, т.е. с обоснованием необходимости некоего изменения. Хотя сегодня философия стала осторожной и не претендует на окончательное решение своих проблем, она не может не играть критической и нормативной роли. И это относится ко всем философским концепциям, в том числе и к тем, которые преподносят себя в качестве «чисто описательных», оставляющих «всё, как оно есть», или же «натурализованных», вступивших в сильное взаимодействие с естественными, социальными и когнитивными науками.

Поэтому философия будет продолжать участвовать в понимании и трансформировании человека и его мира, ибо это неотъемлемо от её природы. А человек всегда будет нуждаться в философии как способе самотрансценденции.

В.М. Фигуровская

1. *Какие социальные функции выполняет современная философия?*

Не думаю, что принципиально изменились социальные функции философии со времени ее формирования и до наших дней. Философия в ее изначальном смысле учит человека и человечество думать не о хлебе насущном, а о смыслах вечных, высших, предлагает возможные способы осознания и оправдания собственного бытия и мира, заставляет субъекта обдумывать «делать жизнь с кого», рефлексировать и находить наиболее достойные формы и смыслы жизни. Однако дело заключается в том, что далеко не каждый современный житель (как, впрочем, и человек другой эпохи) забивает себе голову философствованием. Поэтому социальность философии всегда проявлялась опосредованно, являясь делом небольших групп, профессиональных сообществ, члены которых имеют тягу, внутреннюю устремленность, потребность в таком времяпрепровождении, как поиск истины, вечных ценностей и «самостоянья» человека. К таким людям общество всегда относилось не слишком уважительно, как к «чудикам» (или чудакам), но одновременно и побаивалось. Что же касается интеллектуалов, то и они «не одобряли» философов и их слишком отвлеченные от живой жизни и не имеющие практических выходов размышления о мироустройстве. Правда, нам известны имена математиков, физиков, биологов, которые вошли в философию, поскольку их туда привели сложности научного познания. И эти люди сделали много для развития философского знания. Но эти примеры – скорее исключения из правил. К сожалению, чем более рыночным становится современный мир, тем труднее выживать и работать в нем истинным философам. Их становится существенно меньше, что выражается в отсутствии действительно новых философских идей, учений, систем.

Хочется думать, что наше время – это некое затишье перед бурей. Однако без прорыва в сферу принципиально новых способов осмысления мироустройства человечеству не осилить решения глобальных проблем. Всерьез оставаться на позициях теории отражения для понимания природы человеческого сознания уже не получается.

2. Какие философские направления актуальны сегодня?

Мне кажется, что наиболее актуальными являются те философские направления, которые исследуют человеческую жизнь – экзистенциализм, герменевтика, философия культуры; кроме того, антология, теория познания и философия науки, поскольку человеческая жизнь, человечество как космический феномен нужно исследовать, опираясь на общие законы бытия, не сводимые к планетарным земным законам. Можно предположить, что законы, действующие в масштабах наномира и раскрытые наукой, по-новому позволят обсуждать и понимать природу разума, его включенность, встроенность в мировое бытие. Видимо, этот новый подход определит и иное отношение к решению вопроса о «первичности/вторичности» в философском объяснении мироустройства.

3. Способы предъявления философии в современном мире.

Философия нуждается в новых способах предъявления себя миру. Современное философское сообщество, существующее прежде всего как научное, растет довольно быстро в количественном, но отнюдь не качественном отношении. При этом усиливается отраслевая разобщенность, существенно формализуется профессиональный язык, а результаты философских исследований оказываются востребованными лишь для «вторичных» разработок уже поднятых

и обсужденных проблем. Большая часть философских обсуждений напоминает «игру в бисер», когда целью становится не приближение к Истине, а самоутверждение имярек. Поэтому так мало к философским работам обращаются те, кто профессионально занимается другими делами.

Особая форма предъявления философии обществу – это ее преподавание в вузе. До тех пор, пока мы сами не определим цель преподавания, мы не сможем произвести актуальный смотр того, что именно следует нести в студенческую аудиторию. Невозможно объять необъятное. А философия за века своего существования накопила огромный интеллектуальный багаж. Останется ли он «чемоданом без ручки», который и тащить тяжело, и бросить жалко, или следует провести колоссальную инвентаризацию и выявить, найти новые способы «упаковки» знания, которые нужно предъявить студентам для усвоения и сдачи экзамена – это вопрос, ответ на который нам всем необходимо искать. Кроме того, следует иметь в виду уровень интеллектуальной и социальной подготовки наших студентов. До тех пор пока в вузы будут идти все, кто готов платить за дипломы, а не за знания, преподавать им философию – занятие мало-полезное и малоуважаемое. Все-таки нужно понимать, что отнюдь не все, пришедшие в вуз, способны к получению высшего образования, тем более что фактически среднее образование, как звено в системе образования, у нас отсутствует. Поэтому проблема предъявления себя миру для философов и философии сегодня ситуативна и не имеет универсального решения.

4. Соотношение философии и идеологии.

Прежде следует разобраться с тем, что называть идеологией. Для философии идеология – это учение об идеях, следова-

тельно, это и есть само философское знание. Другое дело, что есть политическая, экономическая, правовая и т.д. идеология. В таком случае, видимо, речь может идти о соотношении философии, как общей идеологии, и идеологии специальной. В частности, марксистская философия прямо связывалась с политической, экономической, правовой и т.д. идеологией в рамках теории научного коммунизма, отчего сама философия становилась «руководством к действию». Однако и в этих условиях философия, развиваемая советскими философами, находила возможность не придерживаться жестко марксистских догм. Тем не менее мне кажется, что философам трудно удержаться от влияния тех или иных идеологий, а потому в зависимости от господствующих в определенную историческую эпоху политических идей философия расставляет для себя приоритеты. Сегодняшняя философия «переключилась» на глобальные проблемы современности, но философы не в состоянии отвлечься от воспитавшей их социальной системы, национальной культуры, влияния профессионального сообщества.

5. Феномен псевдофилософии.

Такое положение современной философии детерминирует симуляцию деятельности, которая приводит к эффекту псевдофилософии: профессиональных философов становится все больше, а принципиально новых философских идей – все меньше.

Н.С. Розов

Современная философия: затянувшийся кризис или неуклонное угасание?

Вначале честно отвечу на поставленные вопросы, а потом изложу свои соображения.

1. Какие социальные функции выполняют современные философы?

Сам вопрос поставлен в рамках структурно-функционалистской парадигмы общества (Т. Парсонс и советский марксизм-ленинизм тут едины), но ее всерьез в мировой науке уже не воспринимают, разве что как факт истории идей середины XX века.

Можно говорить об образовательной функции философских курсов, расширении кругозора, формировании критического мышления у подрастающих поколений, поскольку подавляющее число современных философов – преподаватели.

Здесь следует отличать миф самовосхваления самих философов (особенно в пламенных речах относительно сохранения и увеличения объемов преподавания философии в вузах) и эмпирику: что меняется (и меняется ли что-либо) в мышлении и мировоззрении студентов, прослушавших курс философии.

Такие социологические, психологические исследования мне не известны, но подозреваю, что результаты были бы:

а) резко отличающимися от мифов самовосхваления,

б) крайне разнородными в столицах и провинции,

в) разнородными в зависимости от типа преподавателя (на одном полюсе – бывшие преподаватели научного коммунизма как номенклатура райкомов КПСС, ныне вещающие о «соборности» и «духовности», на другом — хорошо знающие языки молодые философы, прошедшие стажировку в западных университетах).

За пределами вузов влияние современных философов ничтожно мало, причем не только в России, но и за рубежом. При-

чины тому – особый вопрос (Розов, 2002, раздел 7.1; 2007, 2008).

2. Какие направления философии актуальны в XXI веке?

Слово «актуальны» может пониматься здесь, как минимум, в трех смыслах:

актуальны для самих философов (европейских, американских, российских, иных?),

актуальны для публики, интересующейся философией,

актуальны объективно для современного человечества.

По двум первым пунктам ответить затруднительно по причине отсутствия структурированного фокуса внимания, огромной диверсификации направлений, преобладания комментаторства над оригинальными исследованиями [Коллинз, 2002].

Что касается объективной актуальности, то две большие сферы проблем представляются важнейшими: отношение растущего и технологически развивающегося человечества с природным окружением (экология, философия техники), а также отношения частей человечества между собой (этика международных, межкультурных, межклассовых отношений, см. также Розов, 2002, раздел 7.1).

3. Способы предъявления философии, характерные для XXI века. Основным средством по-прежнему являются статьи и книги (пусть в электронном виде), что неплохо. Амбициозные Интернет-проекты пока никакого прорыва в предъявлении философии не показали.

В то же время имеющиеся технические средства явно недоиспользуются, в частности, до сих пор не ведется систематически видеосъемка ведущих мировых философов (лекционные курсы, доклады, интервью), что неопределимо для будущих поколений.

Так, в 1940-е годы уже появилась кино съемка со звуковым рядом, но у нас нет кинохроник с записями докладов, лекций Ясперса, Поппера, Гемпеля, Сартра, Ханны Арентс, Бердяева, Лосева, Асмуса, Лотмана, Ильенкова, Мамардашвили, Зиновьева и т.д.

4. Соотношение философии и идеологии.

Философия – это обсуждение наиболее общих и абстрактных вопросов чего-либо, имеющее характер мышления или жизненной практики, направленное на разработку и критику оснований суждений и действий, либо на построение целостных осмысленных образов обсуждаемых предметов.

Идеология — это система социально-политических взглядов и символов (ценностей, идеалов, принципов), как правило, служащая для консолидации общественных и политических сил, движений, партий в противопоставлении взглядам и символам противников.

Различные идеологии нередко берут на вооружение разного рода философские идеи, обычно упрощая и прагматизируя их. Идеология, подобно религии, как правило, не терпит критического отношения к своим положениям и, особенно, основаниям.

Философия же всегда подвергает сомнению любые положения и основания (см. выше).

Поэтому любая идеология, прежде всего официальная, принадлежащая властным группам, стремится ограничить философию в большей или меньшей мере. Философия в таких случаях объединяется с освободительными, либерализующими идеологиями, но при их победе отчасти сама превращается в идеологию (чего не прощают последующие поколения, ср. с судьбой советского марксизма), либо вновь отделяется

и начинает «гулять сама по себе» до новых политико-идеологических пертурбаций.

5. *Феномен псевдофилософии.* Крайне опасно использовать ярлык «псевдофилософия» в интеллектуальных конфликтах, пользуясь им для шельмования оппонентов.

Воспользуемся данным выше определением философии.

Псевдофилософия в таком случае — это *претензия* на обсуждение наиболее общих и абстрактных вопросов чего-либо, но когда данное обсуждение НЕ имеет характер мышления или жизненной практики, НЕ направлено на разработку и критику оснований суждений и действий, либо на построение целостных осмысленных образов обсуждаемых предметов.

Псевдофилософия вместо этого может иметь характер религиозного учения, проповеди, мистического «знания», идеологии, морализаторства и т.п.

Теперь задам себе вопросы сам.

6. В чем причины современного кризиса философии?

Уже четыре десятилетия (примерно после зенита славы Ж.-П. Сартра и К. Поппера в конце 1960-х гг.) мировая философия переживает падение легитимности и никак не может восстановить свое былое влияние и престиж. Укажу на главные причины.

Во-первых, уход философии из центра общественного внимания, ее явная неспособность убедительно отвечать на вопросы времени (несмотря на помпезные конгрессы, издание сотен журналов и тысяч толстых книг) *обусловлены виной самих современных философов*, пусть не всех, но задающего тон влиятельного большинства.

Во-вторых, роковым для философии оказался постпозитивистский *разрыв с наукой*, начавшийся с неслучайного триумфа релятивистской книги Т. Куна «Структура

научных революций». Для большинства современных направлений философии типичной позой является пренебрежение, демонстративное недоверие к позитивному и объективному научному знанию, невежество относительно современных научных достижений, откровенные нападки на науку или попытки представить научное познание как одну из произвольных и необязательных «дискурсивных игр» (что отнюдь не исключает наличия у таких философов тщательно скрываемого комплекса неполноценности, скорее, нападки на науку даже подогреваются им).

Собаки лают, а караван идет. Пусть медленно, зато верно настоящие ученые все это время продвигались в познании не только природы, но также общества, человека, культуры, истории. Отнюдь не случайно философы оказались на обочине общественного внимания: гораздо больший интерес и доверие вызывают речи и труды экономистов, социологов, антропологов, историков, демографов (см. например, профессиональный состав лекторов в клубе «Билингва» на популярном сайте www.polit.ru).

В-третьих, философия утратила *веру в самое себя*. Заслуженный авторитет и слава Сартра и Поппера во многом были обусловлены их искренним энтузиазмом. Сартр действительно верил, что экзистенциальная философия даст людям свободу, подлинность существования, позволит преодолеть всевозможные помехи для самореализации и т. д. Таким же образом и Поппер верил в благое воздействие идей открытого общества, в освобождающую, прогрессивную и конструктивную роль научного познания.

Правы они были или нет – не в этом вопрос. Философы, как и все люди, вправе

ошибаться, но они «по должности» обязаны будить в окружающих мысли и чувства. Без веры в себя, свое призвание и свои идеи этого не достичь. Люди слушают со вниманием, когда с ними говорят всерьез и о чем-то значимом. Если же все вокруг объявляется пустыми играми и симулякрами, а сама философия с искренностью, достойной лучшего применения, признает себя также лишь одной из игр словами и смыслами, то последствия вполне предсказуемы и не утешительны.

Социальный эффект налицо – почти полная утрата доверия общества к философии и философам. Замечание «это вопрос философский» теперь означает, что вопрос пустой, безнадежный и не заслуживающий внимания. Предложение «рассмотреть философский аспект» звучит редко даже среди интеллектуалов и, как правило, вызывает округленные глаза, насмешку и призыв прекратить «пустую болтовню».

7. Каковы же природа и будущая судьба кризиса современной философии: новый подъем или неуклонное угасание?

В современном познании наука первенствует и действительно способна на очень многое, тем не менее ей подвластны не все вопросы. Сами *основания применяемой логики, исходных понятий, научных методов* исследуются не наукой, а философией.

Кроме того, наука, при всем своем могуществе, может судить только о производных, логически выводимых целях и нормах. Сами же *исходные нормативные основания суждений и действий – ценности* – не подвластны научным открытиям и выводам, что обусловлено известным в философской этике «законом Юма» (См. Розов, 1998, часть 1). Психологи, социологи, антропологи, политологи могут обнаружить, каковы у тех или иных людей собственные

ценности и убеждения. Вопросы типа «что следует считать ценным?» и «как должно поступить?» лежат вне их профессиональной компетенции.

После провала амбициозных проектов Венского Кружка по созданию абсолютно философского языка для будущей науки, особенно после упадка экзистенциализма (Сартр) и логического эмпиризма (Поппер, Лакатос) мировая философия потеряла «драйв», она уже не пытается встать впереди науки, оседлать ее, а делает ставку либо на ее обслуживание, интерпретирование (аналитическая философия), либо на отмежевание (постструктурализм, герменевтика, феноменология), либо на деконструкцию, ограничение, критику науки, как правило, вздорную и некомпетентную (постмодернизм, конструктивизм).

Нерешаемость основополагающих вопросов в рамках науки обуславливает необходимость философии, препятствует ее полному угасанию и маргинализации.

Новый подъем философии произойдет при новом союзе философии и науки, но уже на новых основаниях. Вполне вероятно, что стимулом станет контрдвижение против очередных попыток «отмены философии», либо необходимость общего интеллектуального осмысления нового витка интеграции социальных и исторических наук. Эти вопросы я рассматриваю в своих публикациях (См.: Социологическая «отмена философии» – вызов, заслуживающий размышления и ответа // Вопросы философии. 2008, № 3. С. 38-50. От дисциплинарного империализма – к Обществознанию Без Границ! / «Шенгенский» проект интеграции социальных наук) // Ответственные науки и современность. 2009. № 3. С. 132-141).

В.С. Диев, д-р философских наук, профессор, декан философского факультета НГУ, член редакционного совета журнала.

Философия в советское время была идеологической дисциплиной и имела особый статус. Сейчас же ситуация радикально поменялась, что прежде всего сказалось на времени, отводимом в вузах для изучения философии – оно резко уменьшилось. Вместо двух семестров, как это было в советское время, как правило, философию изучают теперь только в течение одного семестра. Причем время изучения варьируется в зависимости не только университета, но и от специальности. Например, в Новосибирском государственном университете на изучение философии на одном факультете отводится 36 часов, а на другом – 54 часа. Основное направление изменений в преподавании философии в нашей стране заключается в переходе от монотеоретической модели преподавания философии к плюралистической модели преподавания.

Сразу хочу отметить некоторые «подводные камни» при реализации этой модели. Часто преподавание курса философии просто сводят к истории философии. Что касается плюрализма, то он легко сворачивает, подбивает на эклектику, вседозволенность и множество интерпретаций. На самом деле, плюралистическая модель требует гораздо более серьезной подготовки и большего профессионализма, чем монотеоретическая. Полагаю, что за каждой имевшей место философской концепцией должна признаваться определенная самостоятельная ценность и рациональный смысл. Еще один аспект в этой модели: национальное – интернациональное. Мне кажется, что преподавание философии должно быть по своей структуре интернациональным. Мы должны придерживаться принятой в

мировой философии номенклатуры философских дисциплин, должны изучать те проблемы, которые на данный момент обсуждаются в мире, должны рекомендовать ту литературу, которая признана классической в большинстве университетов мира. Полагаю, что надо исходить из того, что выпускники наших философских факультетов могли бы преподавать философию в любых университетах мира.

Сегодня в России работодатели не стоят в очереди за выпускниками философских факультетов. Тем не менее философы находят себе применение в современном российском обществе. Далеко не все выпускники философских факультетов после окончания учебы могут заняться академическими исследованиями или преподаванием философии в высшей школе. Большинство из них идет работать в бизнес, органы государственного управления, а если кто-то и преподает в вузах, то, скорее всего, самые различные социальные дисциплины. Философское образование, на мой взгляд, должно обладать не только фундаментальностью, но и практичностью. Выпускник философского факультета, наряду с занятием наукой и преподаванием, должен быть готов успешно выступить в роли: специалиста в области анализа различных сфер жизни общества и его социальных институтов; консультанта управленческих структур в системе государственной власти, в бизнесе, в общественных организациях; аналитика в средствах массовой информации, службах по связям с общественностью и т.д. Эти компетенции выпускника философского факультета позволят ему занять достойное место на рынке труда.

Сегодня появилась новая проблема: взаимоотношения философии и религии. Приведу высказывание У. Оккама, которое, на мой взгляд, не утратило своей значи-

мости и сегодня. «Философия не служанка теологии, а теология не наука, но комплекс положений, связанных между собой не рациональной последовательностью, а цементирующей силой веры». Можно вспомнить также определение Бертранда Рассела «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Все определенное знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все догмы, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат к теологии. Но между теологией и наукой имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия». Философия апеллирует к разуму, а религия к вере. Поэтому считаю, что никакого взаимодействия между преподаванием философии и религии не должно быть.

На мой взгляд, сегодня объектом внимания философов должны стать междисциплинарные проблемы. Пока такая проблема не вошла в парадигму существующей или не привела к возникновению новой дисциплины, она находится на «ничейной земле» и поэтому возможно и необходимо использовать философские методы и приемы для ее анализа. Решение таких проблем, как правило, требует привлечения результатов целого ряда конкретных наук. Философия в этом случае может выполнять интегрирующую функцию: с одной стороны, объединяя подходы различных дисциплин, а с другой – формируя общий концептуальный базис, позволяющий переносить

методы и модели из одной научной дисциплины в другую. Немаловажно, что междисциплинарные проблемы являются чаще всего «вызовами времени», для ответов на которые нет готовых рецептов. Согласно определению Г. Гегеля, философия – это эпоха схваченная мыслью, исходя из этого положения, междисциплинарные проблемы должны быть сегодня в центре внимания философов.

В.В. Чешев, д-р философских наук, проф., член редакционного совета журнала, Томск.

1. Какие социальные функции выполняют современные философы?

Если вести речь о философии как мировом явлении, то ее положение и социальная роль определены задачами, которые решает философия как культурное явление. Философия возникла как рационализация сознания, и во все эпохи она выполняла эту роль в соответствии с характером эпохи и особенностями культуры общества, в котором существовала. Эту функцию философии отрабатывают философы, но всегда есть своя интрига в том, как они решают свою задачу. Названная функция существует не в общем виде, а в виде конкретных задач общественного сознания, характерных для своего времени и своей культуры.

Здесь интереснее всего положение философии и философов в современной России. Вопрос в том: какой тип мироощущения они должны закрепить в рациональных конструкциях философского сознания? Если дискуссия славянофилов и западников 19 века шла вокруг вопроса о ценностных установках русской культуры и ее историческом будущем, то сегодня этот вопрос, если он остался, загнан глубоко внутрь общественного сознания. Если се-

годня ставится вопрос о собственном пути России, то только как вопрос о способе ее встраивания в процесс глобализации и глобальный рынок. Такая постановка вопроса не обращается к признакам русской культуры и России как исторического субъекта. Само представление о России как субъекте глобализации свелось к представлению о ней как сырьевой энергетической державе, если слово «держава» здесь уместно. Отсюда и положение философии и философов. В этом лагере нет единства. Можно приветствовать идущую глобализацию, соперничающую при доминировании Запада, и тогда интерпретировать философскую мысль Запада, встраиваясь в этот поток. Можно идти против этого потока, что всегда проблематично, тем более, что российские философы практически все работают в государственных учреждениях и живут на зарплату, выдаваемую государством. Но на индивидуальном уровне всегда есть приемлемый для человека выход в виде глубокого погружения в те или иные традиционные философские проблемы. На этот путь становятся те, кто серьезно относятся к философии, и это, по меньшей мере, залог спасения глубины и фундаментальности в философских исследованиях. Я думаю, что путь к обретению философами собственного лица – группировка вокруг актуальных проблем развития России. Речь должна идти не об изменчивых текущих задачах, но о векторе развития, вытекающем из истории России, из ее культурно-исторического своеобразия. Рационализация культурных констант России в современных условиях – такой должна быть основная задача и основная функция философов в России. Разумеется, такая работа требует открытого исторического и культурного контекста, но не культурной изоляции.

2. Какие направления философии актуальны в 21 веке?

Я думаю, что все фундаментальные проблемы философии сохраняют свое значение. Но если выделять доминантные, наиболее важные проблемы сегодняшнего дня, то я отметил бы их в такой последовательности.

1. Антропологическая проблематика. Речь идет о философской антропологии, проблематика которой всегда присутствовала в философии, начиная с ее первых шагов. Но новые формы эта проблематика приняла со времени европейского Просвещения. Теоцентризм замещается антропоцентризмом и, если в прошлом обоснование доминирующих человеческих ценностей давалось религиозным сознанием и сопровождающими его теологией и религиозной философией, то время Просвещения и модерна потребовало иного представления о мире и иного представления о человеке. Учение о человеке прямо или опосредованно становится центром философии. И даже панлогизм Гегеля, направленный против трансценденталистского антропологизма Канта, не мог повернуть «антропологический вектор». В конце концов, вся динамика опредмечивания и распредмечивания гегелевского духа должна была утвердить определенный взгляд на человека и его бытие, т.е. на его «метафизическую сущность». Разрыв с метафизикой в гегелевском или ином проявлении последней сути дела не меняет. Природа человека не сводится к его телесно-биологической оболочке и должны получить объяснение и обоснование его высшие (трансцендентные, метафизические, духовные) основания, с которыми связано осмысленное человеческое бытие. Но антропологическая проблематика сегодняшнего дня может быть

решена на пути конструктивного синтеза достижений естественнонаучной антропологии, культурной антропологии, психологии и собственно философской традиции прошлого и настоящего. Это путь исследования социогенеза и культурогенеза человека, он должен быть эволюционным, а не трансценденталистским в привычном понимании этого слова.

2. Проблематика философского осмысления науки и техники, в которую входит как методология науки, так и философия техники в ее широком объеме. Европейский модерн открыл путь техногенного развития, принявшего угрожающие формы. Собственно, об угрожающих тенденциях техногенного развития было сказано еще на рубеже 19–20 веков. Сегодня эта проблема стоит гораздо более остро, что отражено в частности в проблемах биоэтики и других проблемах, обусловленных с техногенным вторжением в саму природу человека. Но дело не в том, чтобы закрыть техногенный путь. Нужно осмыслить его в контексте фундаментальных человеческих ценностей. Это не только философская теоретическая проблема, это проблема реальной политики, и сделать здесь какие-либо повороты очень сложно. Но философы должны осмыслить ситуацию и сказать свое «философско-антропологическое слово».

Я назвал лишь две «горячие» проблемы. Но есть и ряд других, неизбежно возникающих в рамках системной организации философского знания и философских исследований.

3. Соотношение философии и идеологии.

Здесь термин «идеология» может вводить в заблуждение. Если под последним понимать идеологию в ее политическом контексте, т.е. как систему идейно-

политических установок, на которые опирается власть, то философия должна сохранять свою независимость по отношению к ним. Политические установки власти преходящи, и не всегда они выражают тенденцию исторического развития общества. Но если говорить об идеологии как выражении мироощущения культуры, как рациональное выражение фундаментальных смыслов культуры, то в этом плане философия всегда «идеологична» и не может не быть таковой. В любой культуре философия потеряла бы смысл, если бы не была обращена к ее основаниям. Конечно, есть некоторые проблемы философии и проблемы человеческого бытия, которые выходят за границы конкретных культур (например, природа человека). Но даже в решениях подобных вопросов всегда отражается колорит той культуры, в которой они были получены. Советская философия была ангажирована в обоих смыслах и в смысле актуальной политической привязки, превращавшей ее в идеологическое средство власти, и наверное в меньшей степени – к фундаментальным культурным основаниям общества (идея человеческого единства, человеческого братства). Но и западная философия подвержена этому. Кто больше – это вопрос дискуссионный. Во всяком случае, полагаю, что философия не может помещаться в изолированной башне и отстраненно смотреть на мир из трансцендентального далека. Она должна находить свой путь к истине в реальных исторических условиях, т.е. в условиях реальной политической и культурной (а это главное) вовлеченности в общественные процессы.

С.С. Аванесов, д-р философских наук, проф., декан философского факультета ТГУ, Томск.

Какие социальные функции выполняют современные философы?

Современные философы, как всегда, выполняют двоякие функции: официальные (временные, предлагаемые нынешним сообществом) и неофициальные (постоянные, присущие философам «от века»). Первые диктуются властью и заключаются в том, что принято называть «формированием личности» или на худой конец «производством кадров высшей квалификации». Вторые концентрируются вокруг темы «быть человеком», то дробящейся на бесконечные оттенки и нюансы, то собирающейся в вечный вопрос о смысле жизни. Между этими двумя (зачастую вступающими в противоречие) функциями распяты всякий философ: с одной стороны – «мыслитель», с другой – «специалист». Социальный заказ выдается философу сегодня, а формирование или переформирование самого этого общества, выдающего социальный заказ, философ может предвидеть или даже осуществлять, но без надежды увидеть результаты этого процесса.

Сегодня философы могут претендовать на функцию обслуживания ведущих социально-экономических трендов. Инновационный процесс в обществе требует изучения своих контекстов и прогнозирования своих последствий. Социокультурные прогнозы и диагнозы могли бы осуществлять как раз философы, выступающие в качестве экспертов в данной области.

По большому же счёту, не философам надлежит определять свои функции в обществе. Само общество должно решать, для чего ему нужна философия и какую роль в общественной жизни должны играть её представители. Пассажиры поезда решают, для чего им нужен машинист. Наше обще-

ство привыкло адресовать этот вопрос самим философам, которые благодаря этому оказываются в весьма неловком положении и даже уже привыкли к этой нелепой позе самооправдания...

Какие направления философии актуальны в XXI веке?

Для XXI века, надеюсь, станет актуальным вопрос о взаимодополнительности различных «направлений» философии, и «языки» философии наконец-то начнут сближаться друг с другом.

Способы предъявления философии, характерные для XXI века

Сохранятся, конечно, традиционные способы репрезентации философской жизни: текст, лекция, семинар, конференция. Получат развитие интерактивные формы: интернет-форумы, коллективные энциклопедии, различные перформансы, аудио-визуальные акции, «детская философия», «наивная философия» и т.д. Возможно, образуется значительный пласт контр-академической философии со своими формами и традициями.

Соотношение философии и идеологии

Философия всегда находится в неоднозначных отношениях с идеологией. Философия как свободное мышление несовместима с той идеологией, которая выступает как «обязательная» или «официальная». Хотя борьба против принудительной идеологии тоже есть своего рода идеология... Вообще же философия, не желающая быть «отвлечённым» знанием, т. е. всякая настоящая, живая философия, всегда даёт на выходе некую сумму практических ориентиров и принципов действия, рекомендует, таким образом, определённую «идеологию» жизни. Трагедия философии в том, что она (в лице своих представителей) часто становит-

ся идеологической «служанкой» господствующего политического режима или социокультурной моды, обслуживая либо правящую партию, либо ведущую когнитивную тенденцию.

Феномен псевдофилософии

Поскольку сама философия в строгом смысле не определена (и, видимо, никогда не будет определена), постольку и псевдофилософия, квазифилософия и т.п. будут существовать и далее, даже процветать в некоторых «слоях» человечества. К этому следует относиться спокойно. Граница между философией и псевдофилософией определяется по большей части интуитивно или конвенционально; поскольку же мы не можем «догматически» определить философию, постольку всякая философская «ересь» оказывается относительной... И в самой «классической» философии мы встречаем и будем встречать и эзотеризм, и суггестивную риторику, и мифологемы типа «чистого разума», «сущности» или «вещи в себе». Философия существует и в маргинальных формах...

В.П. Фофанов, д-р философских наук, проф., зав. каф. философии НГУ, Новосибирск

Роль философии в современном мире

1. Если исходить из различения и соотнесения двух основных функций философии – так называемой «мировоззренческой», которая сводится к выработке единой картины современного мира, и «методологической», которая сводится к выработке методологии, методов, проектов практической и духовной деятельности, то приходится констатировать, что современная философия предельно плохо выполняет свои функции. Ибо сама переживает период, который в терминологии Т. Куна

можно обозначить как «слом парадигмы». Важно прежде всего осознать масштаб кризиса, его истоки и сущность.

2. В XXI веке будут актуальны все существующие направления философии. Очевидно, возникнут и новые. И в смысле принятого структурирования философии по направлениям исследований – онтология, гносеология, этика, эстетика и т.д. И в смысле постановок «новых проблем» и попыток их решения, порождающих своеобразные «исследовательские программы» – экзистенциализм, аналитическая философия, герменевтика и т.д. Я полагаю, однако, что должно смениться *общее основание* философствования – от гносеологии и онтологии в ее естественнонаучной трактовке необходимо перейти к онтологии иного типа, – что, собственно, философы и пытаются сделать в рамках упомянутых «исследовательских программ». На мой взгляд, это должна быть *социальная онтология*, переход к которой возможен лишь через снятие «субъект-объектного отношения» как базового конструкта западной и отечественной философии. (Предложенный мной конструкт «субъект-субъектного отношения», в частности, см.: В.П. Фофанов. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1971.)

Почему современная философия нуждается в построении глобальной социальной онтологии? Потому, что только в таком теоретическом контексте могут быть решены современные глобальные проблемы. «Смерть бога» человечество «благополучно» пережило в XIX веке. Войны и другие катаклизмы XX века, сделавшие повседневностью гибель миллионов и миллионов людей, по существу привели к смерти человечности. Пока философы пытались осмыслить новую ситуацию, а там

уже конец XX – начало XXI веков надвинули на нас так называемые «глобальные проблемы». Они широко известны – экологическая, продовольственная и т.д. Но суть в том, что они угрожают жизни человечества как целого, жизни на Земле вообще. Вопрос: переживет ли человек «смерть человечества» так же легко, как пережил «смерть бога» и «смерть человечности»? Итак, речь идет о жизни и смерти человечества. Это ли не философская проблема! А значит, для ее решения нужна универсальная, а говоря поближе к жизни – глобальная социальная онтология.

3. Прежде чем «предъявлять» философию «внешнему миру», философское сообщество сначала должно разобраться «в себе», предъявить «современную философию» себе. Для двух христианских цивилизаций – западной и русской, прежде всего, актуально снятие двух основных типов философий и идеологий, выросших из христианства – коммунизма и либерализма. Это значит, что поставленные ими проблемы – справедливости, свободы и т.д. надо попытаться решить по-новому, применительно к современным историческим условиям. А поскольку Запад доминирует в современном мире, да и Россия не окончательно утратила свой авторитет, то решение этих проблем значимо и для всего человечества. А уж способ предъявления найдется, – суметь бы предложить проекты, сопоставимые с упомянутыми.

4. Если понимать идеологию как систему взглядов большого социального субъекта (группы), то можно говорить об идеологиях классов, их слоев, этносов и т.д. Аналогичную совокупность взглядов, в конечном счете, вырабатывают и развитые цивилизации, однако применительно к ним данный термин не используется.

Исходя из той трактовки рефлексии, которая была предложена в одной из моих статей (В.П. Фофанов. *Мировая история как рефлексия цивилизаций*. – Гуманитарные науки в Сибири, 1999, № 1, с. 44-48), философию можно представить как духовную рефлексию цивилизаций. Именно поэтому существуют различные типы философии – теологическая, художественная, научная и др. Каждая такая философия сложными опосредованными способами связана с идеологиями, формирующимися в рамках соответствующих цивилизаций.

5. В современном мире имитация различных видов деятельности (псевдодеятельность) получила опасно широкое распространение. Так, американские псевдодоллары, созданные в рамках определенного типа экономического сознания и соответствующей экономической практики, поставили под вопрос само существование когда-то твердой валюты – настоящего американско-

го доллара. А с ним и всей мировой финансовой системы. Вопрос: на чем построена экономическая практика, которая реально может привести мир к хаосу, – все на той же «предпринимательской этике» или мир имеет дело с чем-то новеньким? А вспомните, как пресловутые «советские трудящиеся» бодренько трудились под лозунгом: они притворяются, что платят, а мы притворяемся, что работаем! Эта и подобная псевдодеятельность «советской эпохи» стала основанием современной России, которую кроме как постсоветской пока и назвать никак нельзя. Называют ее, правда, страной «победившего капитализма». Но реально, на мой взгляд, существует лишь имитация капитализма, хотя бы уже потому, что нынешняя социально-экономическая система попросту не сможет себя воспроизвести. Ну, а если в обществе доминирует псевдодеятельность, как же в философском сообществе не доминировать псевдофилософии?